ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 55 (3084) Суббота, 9 мая 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Во имя мира

Восемь лет назад завершилась нашей полной победой Великая Отечественная война Советского Союза против германского империализма. Одержав под руководством нашей славной Коммунистической партии эту всемирно-историческую победу, советский народ и его Вооруженные Силы отстояли честь и независимость своей социалистической Родины и избавили народы Европы от угрозы фашистского рабства.

Советскому народу, который вынес на своих плечах основную тяжесть великой борьбы с фашизмом, война стоила неисчислимых жертв и страданий. Ни одно самое крупное капиталистическое государство, потерпев такой колоссальный ущерб, какой потерпел в результате гитлеровского вторжения Советский Союз, не выдержало бы подобного испытания; оно было бы на долгие годы отброшено назад, превратилось бы во второстепенную державу. Но наше социалистическое государство вышло из войны еще более окрепшим, еще более сильным. Трудности войны не только не сломили, но, наоборот, закалили волю и мужество нашего рабочего класса, нашего колхозного крестьянства, нашей интеллигенции. Коммунистическая партия подняла весь советский народ на отпор врагу. Партия явилась той могучей цементирующей силой, которая соединила накрепко фронт и тыл. Партия явилась великим вдохновителем и организатором всенародной борьбы и привела нас к победе.

В бой за Советскую Родину с твердой верой в торжество нашего правого дела шли все народы Советского Союза, спаянные вечной и нерушимой дружбой. Горячий, животворный советский патриотизм был неиссякаемым источником героических подвигов наших людей на фронте и в тылу.

Вдохновляемые партией на великую освободительную борьбу, ведомые сталинским полководческим гением, воины Советской Армии покрыли свои боевые знамена неувядаемой славой. Очистив от захватчиков Советскую Родину, преследуя и добивая врага за пределами нашей страны, они с честью выполнили свою великую освободительную миссию.

Нашим людям, надевшим в годы войны солдатские шинели, не безразлична была судьба румынских крестьян, венгерских рабочих, французских ткачей и рыбаков, всех, кого оккупанты лишили родины, свободы, мира. Наши солдаты хорошо понимали, что дорога к победе нелегка, что она будет стоить немалых жертв, но не было колебаний в их сердцах. Такими они воспитаны нашей партией, советским строем — в духе высокой социалистической гуманности, в духе интернационализма, дружбы и братства с трудящимися всех стран, всех рас и наций — защитники жизни, мира, свободы, человеческого счастья.

Советские люди шли в бой во имя того, чтобы после окончания второй мировой войны на всем земном шаре восторжествовал прочный мир и была обеспечена международная безопасность.

...Восемь лет назад шли по нашей стране первые эшелоны с демобилизованными воинами. Шли они из разных стран, шли по недавним фронтовым дорогам, мимо разбитых станций, сожженных деревень, вытоптанных полей, поредевших, посеченных снарядами лесов. Везде видны были жестокие и печальные следы минувшей войны. Но картина эта не рождала уныния в сердцах фронтовиков. Уже и в те первые месяцы после окончания войны повсюду видели они не только следы боев, но и следы великой стройки: возводились стены вокзалов, ставились свежие срубы изб, рокотали тракторы на колхозных полях, тянулись к солнцу стволы молодых деревьев. Там, где еще недавно, казалось, на долгие годы утвердилось царство разрухи, где были искромсаны перекрытия цехов, затоплены шахты, взорваны доменные печи, — ныне дымили трубы заводов и ночами далеко окрест виднелось яркое пламя мартенов. Советский народ вступал в новую битву — битву за восстановление разрушенного войной хозяйства, за торжество мирной жизни, за строительство коммунизма. И люди, только что снявшие военные шинели, люди, защищавшие Сталинград и Севастополь, люди, штурмовавшие укрепленные линии гитлеровцев на Висле и Одере, люди с медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» на груди — стали активными участниками этой великой мирной битвы.

Сегодня, в час торжественного салюта, когда в небе рассыплются разноцветные брызги ракет, многим вспомнятся минувшие годы штурмов и десантов, обороны и наступления, беседы у солдатских костров о том, как будем мы жить, когда отгремит военная гроза. Да, точно такой, какой рисовалась она фронтовикам, и оказалась наша послевоенная жизнь, и точно так же, как думалось тогда, на фронте, становится она с каждым годом все лучше и краше.

Радостно сознавать, что все то, за что сражались и о чем мечтали в годы Великой Отечественной войны наши воины, стало нашей сегодняшней явью, воплотилось в грандиозных победах советского народа на фронтах первой послевоенной пятилетки, раскрылось в своем еще более грандиозном величии в директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

Радостно сознавать, что новая жизнь торжествует и в странах, которым Советская Армия принесла освобождение. Пролитая нашими солдатами кровь не пропала даром — семена свободы, народного счастья дали дружные всходы на землях Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Албании, Германской Демократической Республики. Вместе с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой эти страны, отстаивая интересы всего человечества, неизменно борются за укрепление мира, за дружбу между народами.

Война ненавистна народам. Справедливо говорили простые люди после окончания второй мировой войны, что победа в схватке с фашизмом есть победа сил мира над силами войны. Народы надеялись тогда, что человечество обретет, наконец, долгожданный и длительный мир.

И в эти дни, когда в некоторых странах опять грохочут пушки, когда все больше и больше солдатских могил покрывает землю, когда в нарушение Потсдамских соглашений и вопреки требованиям простых людей всего мира вновь возрождается гитлеровский вермахт, когда один за другим выходят на свободу фашистские преступники, запятнавшие себя чудовищными злодеяниями, заклейменные ненавистью и презрением человечества,— в эти дни честные люди всех стран и народов все больше и больше связывают свои надежды на сохранение мира с внешней политикой Советского правительства. Простые люди хорошо знают, что эта политика всегда была, есть и будет незыблемой политикой сохранения и упрочения всеобщего мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, за международное сотрудничество и развитие деловых связей со всеми странами.

В недавних заявлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова ясно выражена политика Советского правительства. Существо этой политики заключается в обеспечении коренных интересов народа и безопасности нашей Родины, в дальнейшем укреплении социалистического государства и сохранении всеобщего мира.

Сегодня, отмечая День Победы, мы славим нашу родную Советскую Армию, наш Военно-Морской Флот, готовых в любой момент отразить попытку каких угодно враждебных сил помешать мирному и победоносному движению советского народа к своей великой цели — коммунизму.

Сегодня мы склоняем головы перед памятью героев, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей Родины, за мир для народов всего мира. Не дожил до праздника Победы капитан Гастелло, но это и его руки сжимали штурвалы истребителей, молниями промелькнувших в Первомайском воздушном параде над Красной площадью. Не дожили до праздника Победы рядовые Юрий Смирнов и Александр Матросов, но это их твердые шаги слышались в железной поступи частей, прошедших в сомкнутом строю перед мавзолеем. Павшие — сегодня с нами, их ратные подвиги живут в цветении хлебов, в шуме строек по всей стране, в гудках пароходов на самом молодом в мире Цимлянском море, в смехе детей, в новых романах, написанных советскими писателями, в новых спектаклях и новых спортивных рекордах — во всем том, что зовется — советской жизнью.

Под ясным мирным небом нашей Родины, сплоченные в единую дружную семью, советские люди спокойно и уверенно работают, учатся, растят детей, отдыхают. Эти спокойствие и уверенность непоколебимы, потому что они проистекают от сознания непобедимости великого дела коммунизма, потому что в их основе лежит глубокое доверие народа к родной Коммунистической партии, к родному Советскому правительству. Народ, выдержавший суровые испытания и вышедший из них могучим и окрепшим,— непобедим во веки веков!

Во имя мира горячо и беззаветно трудятся советские люди, сознавая, что их стремление к миру совпадает с чаяниями всего прогрессивного человечества.

Председателю Совета Министров СССР
Товарищу Г. М. МАЛЕНКОВУ

МОСКВА.

Многоуважаемый товарищ Маленков!

По случаю 8-й годовщины освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма я имею честь передать Вам, многоуважаемый товарищ председатель, от имени правительства Германской Демократической Республики и от своего собственного имени сердечные приветствия и благодарность.

Немецкий народ отмечает этот день с чувством уважения и глубокой благодарности отважным советским героям, которые под гениальным водительством незабвенного Генералиссимуса Сталина освободили немецкий народ и открыли ему путь к светлому будущему.

С огромным воодушевлением трудящиеся Германской Демократической Республики начали строительство социализма. Тем самым они начинают претворять в жизнь заветы великого немца — Карла Маркса. Неоценимая всесторонняя поддержка, которую оказывает нам при этом Советский Союз, вдохновляет трудящихся Германской Демократической Республики на все большие достижения.

Верные учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, они неуклонно идут по этому пути и борются совместно с патриотами Западной Германии против порабощения немецкого народа боннскими военными договорами, за заключение мирного договора с Германией и за единую, демократическую, миролюбивую и независимую Германию.

В этой борьбе Советский Союз, проявляя братский интернационализм, поддерживает немецкий народ. Он постоянно выступает за мирное разрешение германской проблемы. Совсем недавно правительство СССР вновь с полной ясностью указало, что все спорные международные проблемы могут быть разрешены мирным путем. Таким образом оно сделало существенный вклад в дело ликвидации международного напряжения, в дело мира.

Я заверяю Вас, многоуважаемый товарищ Маленков, что трудящиеся Германской Демократической Республики, связанные узами тесной дружбы с Советским Союзом — великим знаменосцем мира — и со странами народной демократии, будут продолжать вносить свой вклад в дело сохранения мира и со всей решительностью вести борьбу за единство своего отечества.

От имени правительства Германской Демократической Республики —
ОТТО ГРОТЕВОЛЬ, Премьер-Министр.

БЕРЛИН, 7 мая 1953 года.

Премьер-Министру Германской Демократической Республики
Товарищу О. ГРОТЕВОЛЮ

БЕРЛИН

Прошу Правительство Германской Демократической Республики, а также Вас лично, товарищ Премьер-Министр, принять мою благодарность за Ваше дружественное послание по случаю восьмой годовщины освобождения германского народа от фашистского ига.

Желаю германскому народу успехов в борьбе за свое национальное единство, за миролюбивую, демократическую, независимую Германию, за скорейшее заключение мирного договора, отвечающего коренным интересам германского народа и всех миролюбивых народов.

Г. МАЛЕНКОВ

Мария ПУЙМАНОВА

Девятое мая 1945 года...

ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА

9 мая 1945 года войска Советской Армии освободили столицу Чехословакии — Прагу от гитлеровских захватчиков. Незабываемыми сценами освобождения Праги и встреч с советскими воинами завершается последняя часть трилогии видной чешской писательницы Марии Пуймановой.

Советские читатели хорошо знают творчество Марии Пуймановой, автора переведенных на русский язык первых двух частей трилогии — «Люди на перепутьи» и «Игра с огнем». В последней части трилогии «Жизнь против смерти», недавно вышедшей в Праге, писательница рассказывает о судьбе своих героев в годы войны и гитлеровской оккупации. Мы печатаем одну из заключительных глав нового романа Марии Пуймановой.

«С Советским Союзом на вечные времена!»

Рисунок чехословацкого художника, лауреата Государственной премии Адольфа ЗАБРАНСКОГО

Над баррикадой на Кладненском шоссе забрезжил тоскливый рассвет. Повеяло недолгим предутренним холодком, зябко зачирикали птицы, ветер прошелестел в листве деревьев. Горожанину, привыкшему бодрствовать лишь при искусственном освещении, в такие минуты становится грустно на душе. Станиславу Гамзе эта грусть была знакома еще и в мирные времена, а сейчас он ощутил ее с особой силой, ведь в дни восстания он почти не сомкнул глаз. Дни, не разделенные промежутками сна, сливались один с другим, прилипали, как платье на давно немытом теле; все перепуталось в усталом мозгу Станислава. Вторник сегодня или среда? Вчера или позавчера погиб Шварц? Да, да, коллега Шварц, немец из университетской читалки, тот самый, у которого хватило смелости сочувственно пожать Стане руку, когда Елена была казнена в страшные дни «гейдрихиады» [1], этот Шварц пал на баррикаде у Карлова моста. Значит, он все-таки по-настоящему любил Прагу! Он уже не услышал ошеломительной вести о пожаре Града [2]. Эта весть так потрясла Станю, что он еще и сейчас не совсем пришел в себя, хотя, слава богу, сообщение оказалось ложным. Разве можно верить гитлеровцам?! И думать нечего! Германия вчера капитулировала, но маньяки в черных френчах знать ничего не хотят и все еще неистовствуют. Сегодня их зенитки били с укреплений в Летне. В Бжевнове — сущий ад. Гитлеровцы еще держатся у Оленьего рва и дальше на виноградниках св. Вацлава до самого Кларова. Сердце Праги — Староместский рынок — горит, Панкрац зияет, как открытая рана...

Далеко за границей, откуда до нас доходят только радиоволны, там уже мир. Вчера чешское радио из Америки сообщало, что весь Нью-Йорк веселится и танцует. Над Манхэттеном кружат самолеты и сбрасывают на город мириады белых конфетти. В ослепительном свете неоновых реклам «снег мира» падает на Бродвей, на реку Гудзон, на нью-йоркский порт. Огни вращающихся прожекторов озаряют статую Свободы, запорошенную «снегом мира», снегом мая... Об этом рассказала Андела. Она принесла на баррикаду термосы с горячим чаем и сообщила все, что слышала по радио. Эх, дай-ка сюда чай, а эту новость можешь оставить при себе. Зря только раздражает!

— Они там празднуют, а Праге тем временем будет крышка,— сухо заметил Рудла, сидя среди железных прутьев, скреплявших баррикаду.— Ну-ка, прислушайтесь. Слышите?

Со стороны кадетского корпуса бухали зенитки.

Весь мир радуется и забыл о нас! Из глубин памяти Станислава поднялись горькие воспоминания об унизительных судетских событиях[3], и всем своим существом он вновь ощутил осиротелость чешского народа. Что сказал о нас в те дни Чемберлен? «К чему воевать ради такой маленькой, незначительной страны?» Вот и тогда восхваляли мир, да еще как!

Станислав не сказал ни слова, он не хотел обескуражить товарищей, но Андела почувствовала, что он приуныл. Она всегда без слов понимала его настроения. Девушка попыталась утешить его.

— Через несколько часов всему конец,— сказала она.

«Нам будет конец,— подумал Станя.— Американцы в Пльзне тоже, видно, танцуют, а русские еще далеко, где-то под Берлином и у Иглавы. И зачем только фантазирует Андела! К чему обольщаться!»

— Сделай одолжение, иди спать,— раздраженно сказал он ей вечером. И добавил пренебрежительно: — Какой здесь от тебя толк!

Тон у него был упрямый, недружелюбный. Свое мужское превосходство Станя подчеркивал только потому, что боялся расплакаться от перенапряжения. Этого он ни за что не хотел допустить.

Небо уже прояснилось перед восходом солнца и приняло мертвенно-бледный оттенок прозрачного воска. Встревоженный щебет птиц стал громче. На фоне этого птичьего переполоха вдруг странно загудел толстый железный прут в баррикаде. Загудел, как гигантский камертон. Дрогнуло все, и бочки и камни брусчатки словно подпрыгнули на месте. Это не был воздушный налет, вибрация шла снизу, от земли, содрогание и железный гром приближались издалека, надвигались, как стальной смерч.

— Так я и говорил!— вскочив, сказал Станя.— Танки Шернера!

— Ложись!— закричали ему. Затихшую, баррикаду словно пронизал электрический ток. Люди взяли оружие на изготовку и сосредоточились перед боем. Металлический грохот близился, вызывая у Стани чисто физическое чувство страха. Но вместе с тем этот гром металла как-то заглушал и перекрывал в нем все личное. Наступил тот момент душевного напряжения, когда боевые лозунги по-настоящему живут в людях, проникают в их плоть и кровь, прежде чем снова вернуться в строчки букв на бумаге.

«За Прагу!» — веяло на Станю от этой стальной бури. — «За Прагу! Только через наши трупы!.. Отец и Елена смогли, смог Шварц, значит, и я смогу...»

Со стороны Велеславина к баррикаде бежала Андела, против всех правил совершенно не пригибаясь и взмахивая руками.

— Пригнись!—яростным жестом предостерег ее издалека Станя. Но Андела не обратила внимания.

— Разбирайте баррикаду, быстро!—подбежав, возбужденно закричала она. — Русские едут! Красная Армия! Только что передали по радио!..

— Знаем!—крикнул в ответ Станя.— Нас этим не проведешь!

Во время восстания гитлеровцы однажды уже передавали по радио призыв разбирать баррикады. Чехи тогда не послушались.

Но вдруг дозорный закричал каким-то немыслимо высоким, срывающимся голосом:

— Они здесь! Ура!

И все выбежали из-за баррикады.

Навстречу им, за-за поворота шоссе, казалось, выехал движущийся монумент — пирамида солдат, бронзовых от пыли. На башне танка развевалось красное знамя с серпом и молотом. И Станя понял: это движется история! И Станя изумился: так вот как сбываются сны.

Счастье, когда оно неожиданно и огромно, в первое мгновенье похоже на боль. Станя кинулся на шею первому попавшемуся красноармейцу, заплакал, как никогда еще не плакал в жизни, и не стыдился этого. Слишком сильно было потрясение: думать, что на вас надвигается смерть, и увидеть кипучую жизнь, принявшую вас в свои объятия...

Вблизи красноармейцы не казались движущимся монументом. Это были молодые крепкие парни, овеянные ветрами и пороховым дымом, загорелые на солнце и смеющиеся. Как не похожи были эти лица на презрительно замкнутые мины нацистских головорезов, как непохожа эмблема этих людей — звездочка — на черепа и скрещенные кости в петлицах гитлеровцев!

Станислав навсегда запомнил слова этого советского солдата, молодого круглолицего загорелого парня. Улыбаясь, немного смущенный бурным приветствием Стани солдат сказал: «Мы торопились из Берлина».

От Берлина до Праги неблизко и по мирной дороге. А за простыми словами советского бойца Станя увидел ожесточенное сопротивление тыла шернеровских войск, увидел стремительный марш по Крушногорью (поистине трудному [4]), увидел зияющие противотанковые рвы и торчащие надолбы, каменные и земляные преграды, засеки и баррикады, взорванные мосты и минированные горные тропы. Сколько красноармейцев пало там за Прагу! Чехи в первые минуты даже не подумали об этом; так пациенту не приходит в голову, что и доктор может заболеть. Русские казались им чудесно неуязвимыми. Есть чешская сказка о принце со звездой во лбу. Он преодолевает все препятствия и всюду является, как освободитель. У русских тоже звездочки на шлемах. Они приехали и привезли с собой весну. Они приехали, и солнце взошло над Прагой, и засиял прекраснейший день.

Ради такого счастья стоило пережить все эти страдания, думал Станя. Теперь я знаю, каково настоящее счастье. Я его вижу!

Советские танки, разукрашенные хвоей и березовыми ветками, въезжали в Прагу, разнося запах бензина, а Станислав и Андела разбирали баррикаду и целовались.

Советские войска вступали в Прагу.

В Ирчанах, на шоссе, что ведет на Бенешов, в пять часов утра появился громадный восьмитонный грузовик с тридцатью советскими воинами. Впереди у них был громадный портрет Сталина. После небольшого интервала появилось еще много таких же восьмитонок. Старый рабочий Новак в изумлении вытаращил глаза: под тяжестью богатырских машин дорога волновалась, как поверхность озера. Шоссе вибрировало.

И тогда началось! Из учебного лагеря в Седлчанах, откуда еще позавчера вечером немецкие танки катились по бенешовскому шоссе к Праге, сейчас, после капитуляции, эсэсовцы в машинах устремились в обратном направлении, расспрашивая всех встречных, далеко ли американцы.

— Американцы вон там! — чехи нарочно указывали неверное направление, и эсэсовцы попадали прямо навстречу советским войскам.

Это надо было видеть! Советские танкисты не оборачивались ни направо, ни налево, так они спешили. Гитлеровцев, которые попались им навстречу, они вместе с машинами, переполненными награбленным добром, сбрасывали в канаву и неудержимо мчались вперед, на помощь Праге. Трофеи их не интересовали. Люди, живущие близ шоссе, ходили потом собирать в канавах мешки муки, пачки табака, консервы...

Двигалась Советская Армия. Она вступила в Прагу той тягостной для чехов дорогой, которой во время «гейдрихиады» с песней ехали на казнь осужденные патриоты, дорогой, по которой везли на смерть Елену Гамза. Освободители проехали по памятному Тройскому мосту, где пали сорок защитников баррикады, проехали Рузынь, где нацисты расстреливали чешских студентов, проехали тем шоссе, по которому гестаповцы и эсэсовцы мчались стирать с лица земли деревню Лидице. По этим следам народных бедствий Чехии проехали советские воины, начертав на чешской земле карту новых чувств. И даже Белая гора, издавна приносившая нам беду, теперь перестала быть жупелом истории.

Весна въезжала в Прагу на танках, и всюду, где они появлялись, набухали почки и слышался радостный смех. Благоухание сирени и запах бензина, дым догорающих пожаров и пыль разбираемых баррикад — все это смешалось в пьянящем дыхании спасенного города. Каштаны в садиках Малой Стороны зажгли свои ветвистые люстры, кусты боярышника вывесили розовые фонарики, а люди на улицах Праги упивались весной народов, весной мира. Всякий, кто мог, бежал приветствовать русских. Всякий, кто мог, протягивал им что-нибудь: букет сирени в подарок, ребенка подержать на руках, листок бумаги, чтобы получить автограф. Чехи обнимали советских воинов...

Авторизованный перевод с чешского
Там. АКСЕЛЬ

[1] Так чехи называли дни особенно жестокого террора гитлеровских оккупантов, последовавшие за покушением чешских патриотов на германского «протектора» Гейдриха в 1942 году.

[2] Пражский кремль, резиденция президента.

[3] Имеется в виду отторжение гитлеровской Германией «Судетской области» от Чехословакии, осуществленное под покровительством англо-французских «умиротворителей» Гитлера.

[4] «Крушный» по-чешски «трудный», «тяжкий».

Накануне летних отпусков

Приближается летний курортный сезон. Около трех миллионов человек получат в этом году путевки в санатории и дома отдыха профсоюзов,— на двести тысяч больше, чем в прошлом сезоне.

— Как будет организован отдых трудящихся в здравницах профсоюзов? — спросил корреспондент «Литературной газеты» начальника Центрального управления курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС И. Козлова.

— Около 1.300 санаториев, домов отдыха и профилакториев во всех уголках нашей необъятной страны содержатся на средства профсоюзов, — сказал тов. Козлов. — Это почти половина всей сети здравниц Советского Союза. Пятая часть профсоюзных санаторных путевок и десятая часть путевок в дома отдыха выдаются бесплатно, за остальные трудящиеся платят только треть их стоимости.

В этом году в профсоюзных здравницах число коек увеличится примерно на шесть с половиной тысяч. Недавно в живописном сосновом лесу Калужской области открылся новый, хорошо оборудованный санаторий «Павлищев бор», в Челябинской области — дом отдыха «Чебаркуль», в Приморье открывается санаторий «Седанка». Скоро будут готовы новые дома отдыха: «Октябрьское ущелье» — вблизи Саратова, «Конаково» — на берегу Московского моря, «Кашира» — на Оке, «Ишим» — на Иртыше и другие. Значительно расширяются местные курорты на Дальнем Востоке, Урале, в Сибири. Это избавит многих отдыхающих от необходимости тратить время на дальние переезды. Открываются новые корпуса и на южных курортах страны.

У нас есть специальные дома отдыха для матерей с детьми дошкольного возраста — от трех до восьми лет. Дети, приезжающие с родителями, находятся под наблюдением опытных воспитателей. Распорядок дня и питание там установлены особые. Таких домов отдыха пока только 16. В этом году новые дома отдыха для матерей с детьми открываются в Воронежской, Куйбышевской, Свердловской, Новосибирской областях, в Башкирской АССР и в Латвии.

Приняты меры к улучшению медицинского и культурного обслуживания отдыхающих. Лечебные кабинеты и лаборатории санаториев и домов отдыха оборудованы новейшей медицинской аппаратурой. Это позволяет точнее устанавливать диагностику заболеваний и расширить применение новых эффективных методов лечения.

Обобщается опыт лучших санаториев по практическому применению принципов павловского учения. В связи с этим перестраиваются санаторные режимы. В частности, большое внимание уделяется правильному сочетанию лечения и отдыха.

Благодаря укрупнению профессиональных союзов работники отдельных предприятий и учреждений будут располагать гораздо более широким и разнообразным выбором санаториев и домов отдыха, чем раньше.

А. МАРЬЯМОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Мысль была такая: посмотреть накануне Дня Победы старые документальные фильмы, снятые на фронтах Великой Отечественной войны, и таким образом восстановить в памяти живые детали событий, потрясших мир и обозначивших новый рубеж в судьбах целых народов.

Несколько таких картин нашлось в фильмотеке одного из научно-исследовательских институтов, расположенного под Москвою. Путь туда был неблизкий, и чтобы успеть просмотреть все обещанные фильмы, следовало выехать пораньше.

Москва всегда удивительно хороша в начале своего нового дня. И перед тем, как обратиться к прошлому, взгляд с невольно обостренной внимательностью отмечал приметы этой живой окружающей красоты: утреннюю белизну новых высотных зданий, первые повороты стрелы подъемного крана, возвещающие о наступлении рабочего часа на множестве строительных площадок, обилие пестрых автофургонов с продуктами у еще не открытых магазинов, караваны пронзительно голубых дорожных машин, уминающих горячий асфальт на Садовом кольце. С утра шел дождь, все небо обложило тучами, но тучи были по-весеннему высоки и легки, за ними угадывалось солнце, и будто навстречу дождю поднималась на городских газонах еще ни разу не запорошенная пылью трава и разворачивалась светлая зелень кленов и тополей на обочинах тротуаров.

Вскоре дома раздвинулись шире, зелени стало больше, шоссе вошло в пригород, над которым тоже поднимались переплеты подъемных кранов и стены новых домов. За невысокой зеленой изгородью бежал трамвай. Город оборвался незаметно: на придорожных стрелах замелькали названия сел, и стало видно, как через овраги и реки, не разбирая дороги, шагают во всех направлениях стальные мачты высоковольтных линий.

Дождь не переставал. Подняв руку, попросился в машину высокий старик в теплой куртке и старомодном картузе, одиноко мокнувший у автобусной остановки.

То показывались на дальних пригорках, то подступали к самому шоссе березовые рощи, заплетенные тонким буреломом, ребячливо зеленые,— в общем, такие, что о них уже ничего и не скажешь: все спето в песнях.

— Да, места у нас очень красивые,— согласился попутчик.— И к тому — богатые места. На наш колхоз нельзя жаловаться, а этот еще богаче. Вот смотрите, как отстроились.

У дороги стоял двухэтажный кирпичный дом правления с антенной телевизора на крыше, рядом тянулась ограда просторного двора, за ней виднелся свежеокрашенный полевой вагончик и такой же новый, выстроенный аккуратным каре, «прицепной инвентарь».

Опять оборвалась улица. Вместо березовой рощи открылся на этот раз сквозной сосновый бор; показывать здесь было нечего, и дед почел долгом вежливости сообщить о себе. Он сказал, что ему семьдесят два года, но здоровье еще ничего; вот только плохо, что живут они со старухой вдвоем,— было два сына, и оба «остались там»...

Там — означало и время и расстояние.

Там — это была война, Курская дуга, где погиб младший, и бои на подступах к Братиславе, где был смертельно ранен старший.

Там — это было первое и единственное за всю поездку напоминание о прошлом, к которому лежал наш путь, о человеческих жизнях, отданных за то, чтобы вокруг нас все было таким, каким увиделось оно весенним утром, под благодатным майским дождем.

Попутчик сошел подле мостика, переброшенного через кювет на скрещении шоссе с длинной деревенской улицей.

Вскоре и мы были у цели.

Нас ждал научный сотрудник, заведующий фильмотекой, очень молодой человек, вероятно, совсем недавно окончивший вуз. Девушка в белом халате принесла из хранилища в кинобудку выписанные по заявке коробки с пленкой. Другая девушка, тоже в белом халате, зарядила киноаппарат. То, что содержимое принесенных коробок было научно описано, внесено в каталоги, заинвентаризовано под соответствующими номерами, и то, что здесь работали молодые люди, которые были еще детьми, когда происходили события, заснятые на пленку, хранившуюся теперь под их наблюдением,—все это еще разительнее подчеркивало, как быстро стали историей, предметом изучения, объектом научных трудов события такого недавнего и такого грозного времени.

В маленьком просмотровом зале погас свет. И сразу на экране возникли те самые улицы и дороги, по которым мы только что проезжали. Они сняты в октябре 1941 года. По Садовой везут аэростаты заграждения. Витрины магазинов завалены мешками с песком. На стенах расклеено постановление Государственного Комитета Обороны: объявлено осадное положение. К заставам идут танки и грузовики. В одних грузовиках — бойцы, в других — женщины с лопатами, отправляющиеся на строительство оборонительных рубежей. Противотанковые рвы, ежи, надолбы, проволочные заграждения окружают Москву.

На тротуар вытащен стол. У стола — длинная очередь: слесари и инженеры, студенты и профессора записываются в народное ополчение. От стола они отходят к раздатчикам, получают винтовки, ватники и тут же переодеваются, сразу становясь похожими друг на друга.

Летят к Москве бомбардировщики со свастикой. Взрыв. Грохот зениток. Падение сбитой машины. Фабричный цех. Женщины делают гранаты. Снова самолеты, зенитки, взрыв, хвост черного дыма в небе, медленно поворачивающиеся черные уши звукоуловителей, и еще цех, в котором женщины собирают автоматы...

Красная площадь. Седьмое ноября. На трибуне мавзолея — Сталин. Пленка сохранила живую запись его речи. Он заключает ее словами:

— Под знаменем Ленина — вперед к победе!

И мимо подернутых ранним инеем деревьев Ленинградского шоссе идут к близкому фронту танки, бойцы в белых маскхалатах, тягачи с тяжелыми орудиями.

Бои на ближних подступах,—в таких же точно березовых рощах и сосновых борах, как те, мимо которых мы только что проезжали. Срезанные стволы. Закопченный взрывом снег. И такое, каким должно оно навсегда сохраниться в памяти, живое лицо советского солдата, поднимающегося в атаку,— открытое, молодое лицо, с таким ясным и полным решимости взглядом, которого не может замутить даже и вплотную надвинувшаяся смертельная опасность.

Победы первой военной зимы. Штаб генерала Жукова. Лыжники генерала Конева под Калинином. Исковерканная вражеская техника у фронтовых дорог.

Атаки. Человек с киноаппаратом идет в наступление в одном строю с бойцами, врывающимися в город Калинин. Видно, как камера на миг прилегла вместе с залегшей цепью, потом снова поднялась и пошла туда, где в просветах между домами мелькают фигуры отстреливающихся врагов.

Флаг над освобожденным городом. Лица старых вагоностроителей и ткачих. Их улыбки и слезы радости.

Взят Можайск, очищены последние пяди подмосковной земли. По Бородинскому полю, мимо знаменитого памятника, над которым распластал свои крылья орел русской воинской славы, идут вперед артиллеристы.

Так кончается первый фильм, и вспоминается, как смотрелся он одиннадцать лет тому назад, как нес он дыхание первой великой победы на все фронты — от Севастополя до Баренцова моря...

Но на экране уже зажглась новая надпись.

Сталинград.

История беспримерных лет уложена в катушки отснятой пленки; месяцы проходят на экране в течение коротких минут. И когда вслед за декабрем 1941 года возникают на экране кадры, снятые осенью 1942 года, мы сразу видим, как возмужал наш солдат, как накопил он опыт, как по-новому деловито работает этот старший лейтенант, корректирующий артиллерийский огонь по противнику, рвущемуся к берегам Волги.

Раненый старшина с окровавленным бинтом, перетягивающим предплечье, командует пулеметным расчетом. Лодочник переправляет бойцов с левого берега, лавируя между рвущимися снарядами, посланными прямой наводкой; вот он вновь отталкивает свою лодку от берега — туда, где непрерывные взрывы поднимают кверху фонтаны воды и осколки первого льда. Сестра, похожая на сегодняшнюю девушку из аппаратной будки, стиснув зубы и выбиваясь из сил, тащит на плащ-палатке раненого в зоне жестокого минометного обстрела.

Это биография поколения, незабываемая память о доблести советского человека, о беспредельной его любви к Родине, о неисчерпаемой силе его души.

Каждый из фронтовых фильмов предварен надписью, в которой перечисляются десятки имен операторов, шедших с бойцами и снимавших летопись войны от этапа к этапу. Многих из этих людей нет сегодня в живых. Они погибли с киноаппаратом в руках. Честь им и слава — павшим и живым, оставившим для поколений волнующие документы великого героизма нашего народа!

Есть в фильме о Сталинграде несколько кадров, показывающих бойцов в короткие минуты передышки.

Уже третий месяц идут жестокие бои за каждый дом,— точнее, за каждый обломок стены, потому что здесь не осталось ни одного уцелевшего здания. Люди живут глубоко в земле, сплошь начиненной металлом, несущим смерть,— изузубренными осколками бомб, снарядов, мин. Грохот битвы не прекращается ни на одно мгновение. Но в солдатских землянках, куда заглядывает киноаппарат, установился быт, как бы оберегающий человеческую душу; здесь умельцы вырезают друг другу мундштуки и портсигары из трофейного плексигласа, чинят часы и кормят бездомных кошек; здесь играют на баяне и поют задушевные песни, пишут и читают письма, вспоминая о том, что дорого сердцу.

Великолепно это напоминание о душевной чистоте, сохраненной в самой жестокой, бесконечно трудной обстановке. В этой-то цельности характера, в целомудренности наивысших чувств, воспитанной партией и присущей советскому человеку, и коренится важнейший залог побед, одержанных на каждом участке фронта и во всей Великой Отечественной войне.

Фильм показывает этапы решающей битвы за Сталинград. Занято Абганерово, взяты Кривая Музга и Калач. И, наконец, — встреча защитников Сталинграда с войсками Донского фронта.

Вряд ли можно передать счастье достигнутой цели более ярко и мужественно, чем оно выражено в коротком солдатском объятии двух молодых бойцов, встретившихся на снегу, на окраине Сталинграда.

Заканчивается фильм парадом на окруженной руинами центральной площади города-героя. Но вспоминается при этом и другое. Вспоминается минувшее лето, день открытия Волго-Донского канала и праздничный, возрожденный, весь звучащий музыкой, песней, молодыми голосами, солнечный Сталинград. Оборона Сталинграда и его возрождение — дела равно великие, в них равно воплощена сила народа, непреклонность его воли, его творческий гений.

Снова сменяется лента.

В короткой паузе между двумя фильмами в приотворенную дверь доносится близкий шум весеннего дождя. За стенами просмотрового зала длится все тот же майский день, а на экране идут и идут сжатые киномонтажем до минут и секунд давно пережитые месяцы того времени, которое отсчитывалось по сводкам Совинформбюро, по названиям населенных пунктов и, наконец, по победным салютам Москвы в честь фронтов, уходящих все дальше на Запад.

Освобожденный от блокады Ленинград...

Курск...

Псковская, новгородская земля...

Десанты на танковой броне. Потрясающая сила артиллерийских ударов. Неизмеримо возросшая техника. И еще более выросший наш солдат, в полную меру осознавший свою историческую миссию, воодушевленный ясно ощутимой близостью полной победы.

Опять — теперь уже на подступах к Риге — идет в атаку сталинградская пехота. Она прошла от Волги до Двины, и остающийся путь до Одера кажется не таким уж длинным, хотя он потребует еще немало усилий и будет стоить немало жизней.

Это хорошо знает солдат, которого киноаппарат снял на латвийской земле, — солдат, отирающий со лба пот наступления, пот упорного воинского труда.

Уже зачерпнули солдатские каски воду Балтики. Уже, подняв флаг Родины над Севастополем и Одессой, перешли бойцы южных фронтов границу Румынии. Уже ведет нас киноаппарат по болгарской земле, показывая бои и встречи, освобождение народов и радость освобожденных.

Последние дни войны.

Берлин. Кажется, что здесь, в кадрах штурма Зееловских высот и в боях на берлинских улицах, вновь промелькнули знакомые лица тех, кто шел в декабре 1941 года по морозным подмосковным полям, кто был год спустя на волжской переправе у Сталинграда, кто окружал врага в Корсунь-Шевченковском котле и размыкал кольцо ленинградской блокады.

Да, они все здесь были — живые и мертвые. Те, кто наступал на имперскую канцелярию и кто находился на других участках фронта. Те, кто держал в руках оружие, кто работал у станков и кто лечил в госпиталях свои раны.

Ни с чем не сравнимо упорство этих последних боев. Но когда затихнут орудия и когда кинохроникер покажет сталинградцев, качающих встреченного ими на улице генерала Чуйкова, когда мы увидим маршала Жукова, направляющегося на акт подписания капитуляции гитлеровской Германии,—мы сможем заглянуть и в глаза солдата-победителя.

Огромное счастье свершенного исторического дела не затенено во взгляде этих глаз ни самодовольным торжеством, ни презрением к побежденным.

Крупно снято лицо девушки в гимнастерке с солдатскими погонами. Ей девятнадцать, может быть, все двадцать лет. Она раздает хлеб берлинцам, выстроившимся в очередь у грузовика. И глаза у нее серьезные, озабоченные судьбой завтрашнего мира...

Идут по улицам Берлина заключенные гитлеровских лагерей, освобожденные советскими солдатами. Они несут самодельные флажки своих государств — флажки Франции и Голландии, Англии и Дании, Бельгии и США. Они окружают русского солдата и обнимают его...

Потом снова на экране Москва, Красная площадь.

...Экран гаснет, и в просмотровом зале зажигается свет.

Путешествие в прошлое окончилось.

Машина идет к Москве. На обочине шоссе мелькает щит. На нем — слова:

Мир победит войну!

ИЗ ЗАМЕТОК БИБЛИОТЕКАРЯ

ТРИ ВСТРЕЧИ

Весною 1920 года город Ставрополь на Кавказе был окончательно освобожден от белогвардейцев. Еще доносились раскаты орудий из ближайшей станицы, когда в библиотеку Ставропольского гарнизона вошел красноармеец Степан Карцев (поскольку речь идет о судьбе живого человека, я позволила себе несколько изменить его настоящую фамилию). Он довольным взором оглядел светлое помещение, заполненное, вернее, заваленное книгами. Сюда были свезены библиотеки бывшего купеческого собрания и дворянского клуба.

Красноармеец поднял с пола одну из книг в коричневом коленкоровом переплете, раскрыл ее и, медленно шевеля губами, прочел название: «Аполлон»...

— Что ж ты скажешь! — не то скорбно, не то восторженно воскликнул красноармеец.— Сколько понаписано книг. А кто же такой Аполлон, скажите мне, пожалуйста?

Степан Карцев стал постоянным читателем библиотеки. Надо было видеть, как бережно завертывал он каждую книгу, которую брал с собой. После, прочитав ее, он задавал массу вопросов.

Однажды я выдала ему роман Виктора Гюго «Отверженные». Через несколько дней Степан делился своими впечатлениями о прочитанном: «Интересный этот Жан Вальжан... Сильная книга!..»

А еще через несколько дней в библиотеку пришел незнакомый красноармеец с запиской от Степана. Не успев дочитать взятой книги, Степан Карцев отбыл на фронт добивать Врангеля...

* * *

В 1939 году я работала в библиотеке Центрального Дома Красной Армии имени М. В. Фрунзе.

Однажды в библиотеку вошли два офицера. Один майор, пожилой человек. Другой — худощавый стройный лейтенант.

Майор сдавал книгу Павленко «На Востоке», лейтенант — «Отец Горио» Бальзака. Они не были знакомы, но, как это нередко бывает у столика библиотекаря, между ними завязалась беседа.

Майор вскользь бросил взгляд на книгу, сдаваемую лейтенантом, и спросил не без иронии:

— Ну, как понравился мир Растиньяка? Небось, читали и завидовали.

— Чему? — искренне удивился лейтенант.

— Ну, как же — успех у женщин, кареты и наряды, балы и маскарады... Что ни говорите, это ведь был «герой своего времени», — лукаво продолжал майор.

Лейтенант усмехнулся:

— Право, не завидую тому времени, которое имело таких героев!

— Кому же вы склонны завидовать?

— Моим ровесникам. Вот, например, мой товарищ по академии. Ему тоже 21 год, он, знаете, задался целью поднять потолок земного шара. Наши самолеты, как известно, должны летать не только дальше, быстрее, но и выше других... Его расчеты заинтересовали научных работников...

Лейтенант с увлечением стал рассказывать об успехах товарищей. Беседа между лейтенантом и майором переросла литературные рамки. В голосе лейтенанта, во всем, о чем он говорил, чувствовались нерастраченная энергия, большая жажда знания и подвига. Я заглянула в его формуляр. В его краткой биографии, как видно, героическим был пока только год его рождения — 1917.

Майор взял книгу о тактике артиллерии. Он вынул из кармана газету, и вдруг в движении его рук, в том, как он бережно завертывал книгу, мне вспомнился красноармеец Степан из Ставрополя. Я взглянула в лицо майору. Тот или не тот? Седые виски, другое выражение лица. Нет!

Вот он направляется к выходу, а я все смотрю ему вслед, и сердце мое бьется.

Я вновь беру читательский билет майора, читаю: «Карцев С. М.». Когда я выбежала, в коридоре уже никого не было...

Через несколько дней началась война с белофиннами. Майор Карцев не пришел больше, и книгу за него никто не сдал...

* * *

Шли годы...

Страна, в которой издаются книги на 122 языках, страна, в которой пастух становится ученым и крестьянка — членом правительства, страна, люди которой являются носителями лучших идеалов передового человечества,— эта страна стала поперек дороги тем, кто сжигал сокровища мировой литературы на кострах современного варварства.

Они хотели остановить наше неудержимое стремление вперед и начали войну против страны самой демократической в мире Конституции.

Люди наши уходили на фронт, и им сопутствовали книги. Они были их неразлучными, верными друзьями в окопах и блиндажах, на отдыхе и перед атакой.

Книги помогали людям ковать победу.

В грозные дни войны мне приходилось не столько выдавать книги, сколько читать их бойцам и офицерам в землянках, казармах, полковых клубах, госпиталях, и лишь в конце 1944 года я опять пришла в уютное помещение библиотеки Окружного дома офицеров в освобожденной Риге.

В библиотеке после освобождения Риги от гитлеровцев осталось всего три книги. Но война окончилась, и к нам стали поступать армейские, фронтовые библиотеки. Библиотеки Москвы и Ленинграда посылали свои подарки, все интенсивнее работали издательства. Сейчас в нашей библиотеке более 60 тысяч книг.

Каждый день сотни читателей приходят в библиотеку. В большинстве своем это офицеры. Среди них — те, кто на Волоколамском шоссе преградил путь врагу, рвавшемуся к Москве, те, кто пережил дни и ночи в окопах Сталинграда, и те, кто прошел славный путь от Путивля до Карпат, и те, кто знаменосцами шли по освобожденной земле Румынии и Венгрии, и те, кто в жестоких боях на Одере отстаивали весну человечества.

* * *

Капля воды способна отразить солнце. Так и жизнь одного человека может отразить путь страны. Такова простая судьба солдата революции, прошедшего путь от штурма Зимнего до возвращения из побежденного Берлина.

Заведующая абонементом передала мне заказ читателя. Надо было составить список литературы на тему «Артиллерия в Великой Отечественной войне».

— Об этом просил генерал, он придет сегодня вечером.

— А цель запроса?

— Он пишет книгу по истории артиллерии,— сказала заведующая абонементом.

Груда книг, брошюр и журналов лежала передо мной, когда ко мне подошел генерал Карцев.

Я ни за что не узнала бы в этом крепком еще человеке давнишнего знакомого красноармейца Степана, если бы не встреча в ЦДКА, которая, как мостик, соединила два далеких образа.

Генерал что-то говорил мне относительно своего запроса. Я ничего не понимала и не слышала. Он повторил свой вопрос. А я вдруг засмеялась и спросила:

— Ну, а как же Жан Вальжан Гюго, дочитали вы потом? И теперь вы, наверно, знаете, кто такой Аполлон? А почему вы не вернули книгу по тактике артиллерии в библиотеку ЦДКА, товарищ Карцев?

Он не сразу пришел в себя. Но память у генерала была неплохая.

Я ощутила его крепкое рукопожатие. Он был взволнован не менее меня. Возможно, перед ним в ту минуту молниеносно прошла вся его жизнь. Возможно, он не столько видел перед собой меня, сколько того красноармейца, который переступил впервые порог библиотеки Ставропольского гарнизона.

Татьяна РИДЗИНЬ,
старший библиограф
Окружного дома офицеров

РИГА

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМО К ДРУГУ

Идеал для каждого стихотворения — стать интересным письмом к читателю. Во многих своих произведениях **Пимен Панченко** достигает этого. Такие стихи, как «Ты скажи мне, кукушка...», «Я все перепутал...», «Кони», запоминаются сразу.

Поэтому так и легко мне на свете
Европу и Азию шагом измерить,
Что люди родные и солнце, и ветер
Меня ожидают, в любовь мою верят.

(Перевод А. Прокофьева)

И чем дальше углубляешься в книгу П. Панченко **«С тобою, Отчизна!»** (Минск, 1952. 269 стр.), тем больше и больше убеждаешься в том, что имеешь дело с настоящим, очень хорошим поэтом.

Поэзия Панченко народна. И в этом, пожалуй, главное достоинство его стихов. Но там, где чувство, слово поэта не преломлены через его индивидуальность, там стих и беден и невыразителен. Там и березки, которыми многие поэты уже давно отапливают свои стихотворения, и не новые образы:

И таких певучих чистых речек,
И таких лесов, таких полей,
И сердец отважных человечьих,
И таких отзывчивых друзей...

(Перевод Н. Брауна)

Одно дело — сообщать о том, что ты чувствуешь, другое — когда чувство обнаруживается само по себе. Бывает так, что стихотворение как бы гудками дает знать о своем приближении, а на самом деле не двигается. Надо очень заботиться о том, чтобы сила пара уходила не на гудки, а на движение.

Есть в книге и чересчур «правильные», если так можно выразиться, стихи («Песня», «Неугасимая вера»). А для стихотворения мало быть «правильным». Его двигателями являются темперамент и вдохновение. А это — двигатели внутреннего сгорания, а не внешнего. Чем меньше чувство вырывается наружу, тем больше оно клокочет в тебе. В этом плане показательно стихотворение «Глаз снайпера», полное внутренней энергии.

В его зрачок, как будто в дом
просторный,
Входили сосны, травы, вечер черный.

Так было до войны. А в войну

...Только снег вокруг волной сыпучей
Да черный враг в зрачок вползает
с кручи...

И затем — концовка:

Короткий треск — и синие снега
Засыпали двухсотого арийца...
И вновь открыто снайперское око
Для птиц, друзей, деревьев,
звезд высоких.

(Перевод Е. Мозолькова)

В стихотворении всего шестнадцать строк, но в нем все сказано. Это достигнуто путем строжайшей «поэтической экономии».

Диапазон Панченко широк. «Ты скажи мне, кукушка...» написано совсем иначе, чем «Глаз снайпера». В нем в полной мере использована певучесть белорусского языка:

Долго, хлопец, придется тебе тосковать,
Раны нашей земли подсчитать нелегко.
Хоть с зари до зари
Тридцать дней куковать —
До конца будет все далеко.

(Перевод Б. Иринина)

Самым крупным по объему произведением в сборнике является поэма «Молодость в походе», написанная хорошим белым стихом. В строгом смысле — это не поэма. Это лирический рассказ автора о себе, поэтому строгая композиция здесь не обязательна.

Почему же некоторые стихи в книге впечатляют сильно и надолго, а некоторые (нельзя сказать, чтобы они были плохие, они «почти» хорошие) все же довольно быстро исчезают из памяти? Потому что существует неписанный, но обязательный для поэзии и вообще для искусства закон: видимость не может заменить собой сути, скандал не может заменить конфликта, происшествие не заменит события, злость не заменит гнева и хорошее отношение не заменит любви.

Вот стихотворение Панченко «На шоссе». Плохое ли это стихотворение? Нет, неплохое. Но сказать о стихотворении «неплохое»,— все равно, что сказать о человеке «неплохой»: и судить не за что и пламенно дружить с ним не хочется.

И льется песня моя широко
Про нашу осень и труд наш славный,
Про то, что снова сдаем до срока
Свой урожай мы стране державной.

(Перевод Вс. Рождественского)

Будто бы и неплохо написано, и переведено гладко, а дочитывать стихотворение до конца не хочешь.

П. Панченко менее других поэтов страдает недостатками, о которых говорится выше. Я просто хочу, чтобы его книга была вся хорошая. Чтобы не было в ней строк, вроде следующих: «Есть еще следы тут папы! Битый козырь оккупантов — иезуитов черных лапы, засутаненные банды...» Это не похоже на Панченко. Он куда талантливее этих строк. Надо, чтобы в повторном издании эти грехи были устранены. Для этого его книжке надо быть чуточку тоньше, и тогда читатель обрадуется каждой странице.

Я уже давно не встречался с Пименом Панченко, с которым служил в одной армии. Прочитав его книгу, я как будто только сейчас разговаривал с ним. Пусть и он прочтет эту рецензию, как письмо от старого друга.

М. СВЕТЛОВ

ПОВЕСТЬ О ВОЕННЫХ ВРАЧАХ

Можно ли забыть человека, спасшего тебе жизнь!

«Дорогой доктор, надеюсь, мое письмо дойдет до вас, и вы это с удовольствием узнаете, что я жив и остался с ногой. И все благодаря вам. Так здешние доктора и говорят. Мол, спасибо говори тому врачу. И за все это я вас вовек не забуду». Это искреннее письмо, полученное от своего бывшего пациента, с волнением читает хирург Анна Ивановна — одна из героинь повести **Вл. Дягилева «Гвардейцы»** («Молодая гвардия». Ленинград. 1952. 278 стр.).

Автор книги правдиво повествует о нелегких фронтовых буднях небольшого медицинского коллектива одного танкового соединения. Веришь автору, когда он изображает, как пожилая женщина-хирург четвертые сутки проводит без сна у операционного стола. «Никто не знал, как у нее горели подошвы, как остро болели икры, как ей хотелось скинуть сапоги и посидеть прямо на полу хоть несколько минут». Скромен и незаметен героизм этих тружеников, проникнутый высоким гуманизмом, подлинной любовью к человеку.

В центре повести — образ бригадного врача Филиппова. Поначалу необстрелянный и неопытный, Филиппов к концу своего фронтового пути становится мужественным, крепнет его воля, закаляется характер.

...В медпункт танковой бригады, расположенный в подвале городской школы, вносят раненого. Смертельная бледность покрывает его лицо. Филиппов подходит к нему, осматривает рану. «Небольшая мина, повидимому, выпущенная из пятидесятимиллиметрового миномета, застряла в мягких тканях бедра. План операции... был чрезвычайно опасен: одно неловкое, неаккуратное движение могло вызвать взрыв, а значит, гибель раненого, оператора и всех, кто был рядом. У Филиппова засосало под ложечкой. Он посмотрел на раненого. Глаза их встретились. Взгляд у раненого был полон ожидания, надежды, доверия». И Филиппов стал удалять мину. Умение и выдержка решили дело: мина была извлечена и обезврежена.

С мягким юмором изображает автор образ другого врача — Рыбина, мечтающего после войны защитить диссертацию, материал для которой он кропотливо собирает в трудных условиях фронтовой врачебной практики. Запоминается шофер «санитарки» Годованец, веселый, разбитной парень. Он рискует жизнью, чтобы спасти своего командира — бригадного врача.

Нельзя не пожалеть, однако, что представители другой — не медицинской — среды менее удались автору. Интересно задуманный образ замполита Загрекова подчас как бы исчезает в общем круговороте событий. Кроме того, он мало оригинален и напоминает подобных героев других литературных произведений, в частности майора Воронцова из романа «Знаменосцы» О. Гончара.

Робко и неуверенно намечены в повести личные взаимоотношения героев. Эмоциональная живая речь порой подменяется избитыми фразами, вроде: «Печать блаженства лежала на их лицах», «Филиппов сделал строгие глаза»...

Эти недостатки говорят о нетребовательности молодого автора к своему творчеству.

Н. ПИЯШЕВ

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

В. Чукреев — в недавнем прошлом военный моряк, старшина I статьи, ныне студент Литературного института имени Горького,— прислал в 1950 году с Дальнего Востока в Военно-Морское издательство рукопись своей первой повести **«Счастливого плавания»**. Повесть эта, обсужденная на семинаре Всесоюзного совещания молодых писателей, вышла в свет (Москва, 1952, 231 стр.) и уже заслужила симпатии читателей.

Считается сложным и трудным писать о мирной жизни армии и флота, о том, что называют учебными буднями. Книг на эту тему почти нет. Писателя чаще всего привлекает богатая острыми сюжетами героическая фронтовая жизнь, тема подвига, тема защиты Родины на войне. Чукреев пошел по наиболее трудному пути: его книга открывает новое и интересное там, где, быть может, меньше всего этого ждешь. Он написал увлекательную и умную повесть о первых шагах молодых матросов, об их жизни и учебе еще на берегу, до вступления на корабль. Все действие развертывается на берегу и редко на море, на шлюпках, при обучении гребле и хождению под парусами; и все же это — книга о флоте, о моряках, о любимой молодежью морской службе.

Повесть начинается с энергичного, сочного пейзажа: берег моря после тайфуна, скалы, сопки, лес. На берегу строй матросов-первогодков. Десятки глаз, устремленных на старшину II статьи Петрова, внимательно изучают нового командира и воспитателя смены. Петров, от имени которого ведется повествование, не так давно сам стоял в подобном строю перед другим младшим командиром и так же выжидающе смотрел на него. Сцена эта, написанная психологически интересно, эмоционально, точно, сразу вводит нас в мир переживаний и чувств молодого старшины, заставляет волноваться за него, переживать его удачи и неудачи.

Уже этим одним Чукреев достиг многого: он заинтересовал читателя буднями матросской жизни, романтикой воспитательной работы. Шаг за шагом мы идем вслед за старшиной Петровым, его глазами видим то одного, то другого из его воспитанников. К каждому из них Петров ищет свой подход, старается понять каждого, ошибается, учится сам, много думает и много делает. Читаешь книгу и веришь автору, что его герой готовит матросов к строгой, полной опасностей жизни на боевом корабле. Задачи возникают самые неожиданные и разнообразные. Ленивому и трусоватому Корепанову надо помочь преодолеть страх, научить самостоятельно плавать, привить любовь к спорту. Интересна борьба за такого «трудного», своенравного матроса, как Голованов. Конфликт между Петровым и Головановым становится общественно значимым, в нем принимает участие весь маленький военный коллектив, и, разрешая этот конфликт, писатель показывает, как изменились, выросли и учитель, и ученики.

Первая половина книги — собранная и целеустремленная. В ней есть стилистические погрешности, длинноты, но о них забываешь, потому что увлекаешься главным — взаимоотношениями людей, их характерами. А потом повесть идет неровно, местами комкается, становится скучной. Кажется, что автор стремится обо всем рассказать, обо всем сообщить, и из-за этого блекнет изображение человека. Тут появляются и длинноты, вроде протокольного текста комсомольского обращения, и литературные штампы. Автор спешит все закруглить, завершить, как бы завязать все сюжетные шнурочки. А ведь необязательно все разъяснять, все доводить до конца, лишая читателя возможности над чем-то подумать о чем-то тревожиться, сожалеть.

В. Чукреев, например, ввел в повесть чужеродную ее правдивому тону историю знакомства главного героя с сестрой его командира Галей, приехавшей погостить в часть. Случайно встретились, случайно поссорились, случайно расстались. На том бы автору и остановиться: возможно, что иной читатель, полюбив главного героя, вспомнил бы об этой ссоре между хорошим парнем и мало знакомой девушкой, пожалел бы парня и погоревал бы о том, что девушка эта так и не узнает о нем всей правды. Узнала бы, может, и полюбила... Но автор счел нужным все досказать, сочинил два письма от девушки, из которых ясно, что можно не волноваться — «все кончится хорошо», и превратил случайную историю в законченный «скоротечный роман».

Вл. РУДНЫЙ

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ...

Тема военно-морского флота в нашей литературе, нашедшая в свое время такого талантливого выразителя, «певца моря», каким был К. М. Станюкович, долгое время оставалась в забвении. Только после Октябрьской революции, с приходом в литературу молодых, свежих сил, тесно связанных с флотом и хорошо знающих его быт и людей, появились продолжатели традиции К. М. Станюковича.

Произведения А. Новикова-Прибоя, Вс. Вишневского, Л. Соболева, Вл. Рудного, Ал. Баковикова, И. Чернышева и других морских писателей заслужили широкую популярность у советского читателя.

Появление каждой новой книги о военно-морском флоте вызывает жадный читательский интерес, и обычно эти книги не обманывают доверия читателя. Тем досаднее встретить сборник военно-морских рассказов, которые явно написаны без настоящего знания материала. Именно такую книгу предложило читателю Дальневосточное издательство, выпустив рассказы **С. Аверкина «На боевом корабле»** (Хабаровск. 1952. 120 стр.).

В рассказе «Ураган» автор повествует о том, как яростный ураган отломил начисто кормовую часть эскадренного миноносца. Случай, сам по себе теоретически допустимый. Но разрыв может произойти в середине корпуса, а не в носовой или кормовой части. Но если даже допустить, что ураган выполнил «работу» торпеды и эсминец потерял корму, то дальнейшие события вызывают уже не удивление, а возмущение. Поврежденный эсминец остается наплаву. Как пишет Аверкин: «Командир тщательно осмотрел крепления. Прочность их его удовлетворила». Но еще до осмотра креплений командир дает паническую телеграмму о бедствии. На помощь приходит транспорт, и командир эсминца немедленно переправляет на него людей, а сам с девятью членами экипажа остается на корабле. Какой смысл в этом поступке?

Командир должен до последней минуты бороться за пловучесть корабля. Если у него есть надежда спасти корабль, то для этого должны быть пущены в дело все силы команды. Девять человек, будь они хоть семи пядей во лбу, не могут спасти корабль в таких обстоятельствах. Это так же безнадежно, как гасить пожар чайной ложкой. Если же командир не верит в спасение, то еще бессмысленней оставлять девять человек на неизбежную гибель. Все это расходится с законами морской службы, со здравым смыслом. А нужно это автору лишь

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

ЗАМЕТКИ О КРИТИКЕ

За первые три месяца этого года в девяти журнальных книгах «Октября», «Знамени» и «Нового мира» напечатаны только три статьи, посвященные вопросам теории и истории советской литературы.

В. Новиков в статье «Партия и советская литература» («Знамя», № 1) в известной мере претендует на краткое изложение истории нашей литературы. Читатель найдет здесь ценные материалы, исторические документы партии по вопросам искусства. В последнем разделе статьи автор освещает задачи литературы и проблему типического в свете документов XIX съезда партии.

И при всем этом статья во многом не удовлетворяет читателя. Она страдает отвлеченностью. Критик связывает общественную жизнь с литературным процессом, но это осуществляется в таких общих формах, что литература, как специфическое общественное явление, теряет присущее ей своеобразие. Автор пишет: «Если в 20-х годах в нашей литературе основным героем был воин, участник гражданской войны, то в годы сталинских пятилеток рядом с ним становится человек-созидатель, передовой работник, деятельный строитель социализма». Это совершенно правильно и давно уже всем известно. Отличие двух важных и сложных этапов советской литературы установлено здесь только в тематическом плане. Но известно, что 20-е годы характеризуются борьбой нашей партии за торжество принципов социалистического реализма, который в 30-е годы уже становится основным и ведущим методом всей передовой советской литературы. Раскрыть этот качественный рост нашей литературы — вот благодарная задача исследователя.

В. Новиков часто обращается к литературным примерам, называет книги. Общая оценка их не вызывает возражений. Но создается впечатление, будто критик забывает, что речь идет о **художественных** произведениях, которые, несмотря на их идейно-тематическое сходство, различны по способу выражения идеи и темы, своеобразны по стилю и по достоинствам. «Произведения последних лет,— пишет В. Новиков,— говорят о том, что стахановское движение стало закономерностью развития промышленности. Советские писатели показывают новые формы стахановского движения. Борьба за перевод всей шахты «Капитальной» на поточный метод добычи угля движет сюжет романа А. Волошина «Земля Кузнецкая»; борьба за внедрение передовых методов производства, за механизацию трудоемких процессов и превращение всего турбинного цеха в стахановский определяет облик героев романа В. Кетлинской «Дни нашей жизни». Борьба за режим экономии, за использование внутренних ресурсов с максимальной пользой для государства составляет пафос романа А. Рыбакова «Водители».

При таком узко-тематическом подходе к литературным явлениям нельзя раскрыть их специфические особенности, а без раскрытия этих особенностей наука о литературе не может двигаться вперед.

Следует отметить, что статьи такого общего характера, слабо затрагивающие неразработанные вопросы литературоведения, печатаются в журнале «Знамя» на протяжении ряда лет.

Большей конкретностью отличается статья В. Озерова «Проблема типичности в советской литературе» («Знамя», №№ 2, 3). Сделанные автором обобщения, как правило, вытекают из анализа литературных явлений. Справедливы суждения критика о различных способах и приемах типизации, о характере, о литературных «амплуа».

Статья вводит нас в круг сложных вопросов, заставляет не только соглашаться, но и спорить с автором. Нельзя полностью согласиться с критиком, когда он так определяет типический характер: «Типический характер — это большой, сильный характер... Опыт великих реалистов учит нас изображать сильные характеры, людей огромного порыва, кипучего действия, больших страстей». Это правильно, но не исчерпывает вопроса о типическом характере. Опыт великих реалистов, особенно Гоголя и Щедрина, учит нас тому, что типический характер не всегда является большим и сильным, он может быть и мелким, слабым, мерзким характером.

Автор иногда неточно пользуется терминологией. Он, например, вводит понятие образа-исключения и для доказательства его правомерности ссылается на Рахметова. Критик правильно раскрывает содержание типического характера революционера-демократа, но не замечает, что термин «образ-исключение» не соответствует этому содержанию.

В статье «Характеры и обстоятельства» («Новый мир», № 2) А. Караганов стремится осмыслить процесс создания типических характеров в типических обстоятельствах. Интересны его мысли о конфликтах, о роли обстоятельств, о сюжете.

Автор часто обращается к литературному материалу, однако этот материал не стал той основой, на которой рождаются обобщения. Это скорее лишь иллюстрации, которыми пользуется критик для подтверждения своих соображений. Так, автор, пространно говорит о правде жизни, о роли мировоззрения, о мере писательского таланта, а затем обращается к примеру: «Возьмем, к примеру, роман Вилиса Лациса «К новому берегу»... Дальше идет анализ отдельных сцен романа. Вот критик говорит о возможных недостатках в создании литературных характеров, а затем пишет: «Недостатки такого рода в очень наглядной форме проявились в новой пьесе К. Финна «Личная жизнь». Вот автор рассуждает о значении заостренности обстоятельств и характеров и затем подбирает пример: «Примером такой заостренности ситуаций, помогающих раскрыть характеры действующих лиц, является «Чужая тень» К. Симонова».

В статье А. Караганова общие рассуждения лишь иллюстрируются отдельными примерами. Критику не удалось осмыслить литературные явления настолько, чтобы выводы рождались из их анализа.

Если проблемные статьи страдают еще абстрактностью, оторванностью от литературной практики, от специфики художественного творчества, то рецензии, наоборот, часто лишены теоретических обобщений, не выходят за рамки конкретного разбора.

Стоит обратиться ко многим рецензиям, как сразу же обнаруживается их главный недостаток — эмпиричность.

Л. Бать в статье «Вместе с жизнью» («Октябрь», № 1) пишет о трехтомнике рассказов советских писателей. В статье есть интересные наблюдения. Но автор не попытался глубоко осмыслить богатый и разнообразный материал. Мелькают названия рассказов, за ними попутно следуют краткие замечания, иногда пересказ, кое-где попытка обобщения, но продуманной, стройной системы в освещении материала нет. Материал подавил автора статьи. Рассуждения же критика об особенностях рассказа послевоенных лет глубоко неверны. «В последние годы,— пишет Л. Бать,— получили развитие рассказы, в которых нет острых сюжетов, исключительных по драматизму ситуаций... Значительность повседневных дел советского человека, с каждым днем приближающегося к коммунизму,— вот пафос этих рассказов, запечатлевающих ровное течение жизни». Эти повествующие о «ровном течении жизни» рассказы, одобряемые рецензентом, сравниваются им с картинами художников-пейзажистов, «которые, запечатлевая именно **этот** кусок неба, **эту** сосну, **это** поле, создают ощущение далеко расстилающихся полей и огромного неба над ними, и лесов, и садов, и всей красоты природы». Создается какая-то идиллия. В рассуждениях Л. Бать проявился рецидив «теории» бесконфликтности.

Невысокий теоретический уровень некоторых критических статей можно проиллюстрировать двумя рецензиями на одну и ту же книгу — сборник рассказов «Современники» Б. Полевого. Оба критика — С. Штут в рецензии «Наши современники» («Октябрь», № 1) и Е. Кригер в рецензии «Надежный спутник писателя» («Знамя», № 2) — недооценили значения книги Б. Полевого, не увидели в ней эстетической ценности. В один голос критики утверждают, что рассказы Полевого лишены художественного вымысла, поэтического пафоса. С. Штут видит достоинства книги только в ее «точности», «достоверности», отмечает «ценность прежде всего познавательную».

Е. Кригер одобрительно относится к тому, что осуждает С. Штут,— к отсутствию будто бы художественного вымысла в книге Полевого. Но от такого одобрения не легче. «Писателю не нужно было,— пишет Е. Кригер,— прибегать к художественному вымыслу, чтобы отобразить героику стройки. Он обладает редким умением находить готовые сюжеты для своих рассказов в действительной жизни».

Получается, что художественный вымысел — это что-то наносное, совершенно чуждое правде жизни, без чего художник вполне может обойтись. На деле же, без художественного вымысла реалистическое искусство существовать не может.

Большинство рассказов Б. Полевого — истинно поэтические создания, и прежде всего потому, что они глубоко правдивы: жизнь в них бьет ключом. Достаточно обратиться к любому из лучших рассказов писателя, чтобы убедиться, что Б. Полевой — не фотограф, а творец, крепнущий мастер художественного слова. Рассказ «Дефицитная бабушка», названный С. Штут «анекдотическим», не из лучших, но и здесь писателю удалось раскрыть внутренний мир своих героев, их отношения, их нравственное благородство, их душевную чуткость друг к другу — величие их человеческого достоинства. Можно ли все это механически «списать» в категорию рассказов без вымысла? И возможно ли без творческого вымысла такое проникновенное познание психологии наших советских людей? Можно ли постепенно изменяющееся, внешне сперва ни в чем не проявленное отношение Василия Рыбникова к «Дефицитной бабушке» (а на изменении этого отношения и строится сюжет рассказа) просто «взять» из жизни, как о том говорит Е. Кригер?

Наши критики не всегда используют возможности, которые таятся в рецензии, как критическом жанре. Установился определенный стандарт, и не без активного содействия со стороны работников критических отделов. Образцом такой стандартной заметки может послужить рецензия Ив. Преснина на роман башкирского писателя Кирея Мэргэна («Октябрь», № 2). Критик знакомит читателя с содержанием романа «На склонах Нарыш-тау», затем кратко определяет его художественные особенности и в конце, как «положено», бегло отмечает «промахи пера» молодого автора. А ведь у критика была возможность в этой рецензии развить важную мысль. Ив. Преснин указывает на «общий национальный колорит произведения», на то, что «своеобразные черты темперамента рабочих башкир, национальные особенности портрета, культуры, быта — отчетливо воспроизведены в романе». Но дальше этих замечаний критик не пошел. Он даже не попытался сделать обобщения, которые так нужны для решения вопроса о специфике национальной формы в искусстве.

Серьезным недостатком журналов попрежнему является ограниченное количество, а подчас и неглубокий характер выступлений по важным проблемам социалистического реализма. Этот недостаток усугубляется отрывом теории от практики, резким делением на критику «теоретическую» и критику «конкретную».

С. ШЕШУКОВ

СЕРЬЕЗНОЕ И КОМИЧЕСКОЕ

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Если мы захотим разобраться в причинах успеха новой постановки Центрального театра Советской Армии «Стрекоза», то должны будем искать их и в особенностях драматургического материала, и в той трактовке, которую дали ему режиссер и исполнители. «Стрекоза» — пьеса, имеющая свою, правда, небольшую сценическую историю. Написанная грузинской поэтессой М. Бараташвили, она около трех лет назад была поставлена в Тбилиси, в театре имени Марджанишвили, под названием «Маринэ».

Уже тогда, в первой своей редакции, пьеса привлекала жизненностью ситуаций, правдивостью и достоверностью центрального образа. Маринэ, за веселый и беспечный характер прозванная односельчанами Стрекозой, по праву стала героиней спектакля, который рассказывал о том, как эта ленивая, с «ветром в голове», но способная и умная девушка стала в конце концов передовой колхозницей.

Тема формирования и возмужания характера тесно была связана с мыслью о том, что только труд на благо общества может дать человеку подлинную радость бытия. Эти серьезные и важные вопросы были решены автором в жанре лирической комедии. Выбор жанра определил специфику сюжета и характер его развития, особенности построения образов и язык персонажей. Лирическая комедия «Маринэ» звучала песнями, музыка и танец стали ее органической принадлежностью.

Однако достоинства произведения переплетались с недостатками, которые снижали его идейное и художественное воздействие. По существу, лишь один образ—образ самой Маринэ был убедительно раскрыт автором. Другие же персонажи жили отраженным светом, несли «служебные функции», тем или иным образом помогая раскрыться облику героини. Возражение в пьесе вызывало и то, как разрешал драматург трудности, возникающие на пути Маринэ.

Когда мы говорим «лирическая комедия», то вовсе не подразумеваем под этим невесомость всего происходящего в ней. Так же как и любому другому жанру драматургии, лирической комедии в полной мере присущи логика и психологическое оправдание поступков действующих лиц. Обо всем этом помнил автор, но лишь в первом и начале второго акта. Потом же действие попало в руки случая, который начал распоряжаться в пьесе. И потому, когда в конце третьего акта Маринэ — Стрекоза становилась чуть ли не Героем Социалистического Труда, обстоятельство это не могло не вызвать недоумения публики, удивленной излишней поспешностью и необычайной легкостью возвышения героини.

Таковы были основные недостатки этого произведения, недостатки, достаточно серьезные и потому не позволившие режиссуре и актерам тбилисского театра в полной мере выявить свои творческие возможности. Правда, была в этом спектакле одна роль, сыгранная так естественно, легко, непринужденно, словно актрисе и не понадобилось никакого труда на ее создание. Это была роль Стрекозы в исполнении Медеи Джапаридзе. Актриса отнюдь не старалась подчеркнуть, что героиня ее — ленивица. Наоборот, она занимала свою Стрекозу сразу тысячей дел. Каких? Вот это уже другой вопрос. Никаких полезных дел Маринэ не делала. Но весь внешний облик ее — страшно деловитая, быстрая походка, чем-то озабоченный взгляд, руки, то обирающие ягоды туты, то суетливо и беспорядочно укладывающие чемодан, — находился в таком противоречии с действительным характером героини, что это не могло не вызвать комического эффекта. Но не только на противопоставлении строилась эта роль. Актрисой была верно понята основа образа Маринэ, в котором нельзя было перейти грань между юношески-легкомысленным отношением к выбору будущей профессии, к своим домашним обязанностям и злостным нежеланием делать что-либо полезное. Даже легкий крен в эту сторону мог бы нарушить правду центрального образа, выписанного в точных границах лирической комедии.

Ясная жанровая определенность шла в пьесе от умения драматурга видеть жизнь и точно определить **свое** отношение к событиям и людям. Именно эта определенность отношения и позволила М. Бараташвили говорить о вещах серьезных без сухой дидактики, а таким тоном, который убеждает много лучше и вернее, причем убеждает не только зрителей, но и актеров, которым приятно и интересно играть в таких пьесах. И поэтому роль Маринэ — большая удача не только тбилисской, но и московских актрис. Обе они — и Г. Островская и Л. Касаткина, правильно найдя «зерно» образа, по-разному строят его сценический рисунок. У Стрекозы — Г. Островской нет хлопотливости и озабоченности Маринэ — Джапаридзе; она мечтательнее, восторженнее. Л. Касаткиной удалось показать, несмотря на юность и почти детскую непосредственность героини, то серьезное в ее характере, что делает возможным будущие трудовые успехи Стрекозы. Простота и обаяние свойственны игре молодых актрис, как, впрочем, и большинству из тех, кто является партнерами Стрекозы по сцене.

В спектакле Центрального театра Советской Армии большинство обитателей грузинского селения Бжолети, в котором происходит действие пьесы, приобрели плоть и кровь, свои биографии и судьбы, за которыми зритель если и не следит всегда с таким же вниманием, как за судьбой Маринэ, то и не остается к ним равнодушным. Второй вариант пьесы (перевод и сценическая редакция Г. Штайна), положенный в основу спектакля москвичей, значительно разнится от первого. И дело не в сюжетных изменениях (по существу, они сводятся к минимуму), а в том, что драматург все свое внимание отдал дальнейшей разработке и углублению образов произведения, причем делал это в том самом жанровом ключе, в котором была задумана пьеса.

Что же это значило практически? Вот, например, один из персонажей «Стрекозы» — шофер Кохта. В первом варианте — это только неудачно влюбленный в Маринэ человек, безгласная жертва ее обаяния. Положение, в котором находится герой, скорее приличествовало бы положению героя драмы или трагедии. Однако художественные средства, с помощью которых написан образ, позволяют догадываться о том, что автор никак не мыслил его героем драматическим. Но беда первого варианта заключалась именно в том, что об этом нужно было догадываться; новая же редакция пьесы дала полный простор характерному дарованию артиста В. Зельдина. Мы видим ловкого, подтянутого (недаром он служил в армии) парня. Он действительно влюблен, но не столько в девушку Маринэ, сколько в само состояние влюбленности, при котором можно — и должно! — писать стихи, распевать под гитару и вообще чувствовать себя взрослым и значительным лицом.

Такую же индивидуальность, конкретность обрело и большинство других образов. Так, вместо двух человек: безликого отца Маринэ и председателя колхоза Силибистро появился один — добродушный и вспыльчивый, по-отцовски нежно любящий Стрекозу и по-председательски строго читающий ей нравоучения. Это Никифорэ Перадзе. Он впервые появляется перед нами сердитым и взволнованным: Маринэ Перадзе — так зовут славную девушку его колхоза, которая только что получила звание Героя Социалистического Труда, но это же имя — Маринэ Перадзе — носит и его нерадивая дочь Стрекоза, и поэтому все в Тбилиси и в окрестных селениях поздравляют Никифорэ с двойной радостью. Ну как тут не сгореть от стыда и по-настоящему не взяться за воспитание Стрекозы, которую вконец избаловала бабушка! В исполнении А. Богдановой образ бабушки приобретает неожиданные, и тем особенно милые, привлекательные черты. Старая женщина, одетая в темное вдовье платье, вдруг совсем по-молодому застеснялась, покраснела в ответ на просьбу молодежи спеть. Но за смущением явно проглядывало чуть озорное желание показать свое умение, и когда старая Ефросинэ запела, то всем в зале стало ясно, в кого уродилась певунья-Стрекоза. Живой человеческий характер, вызывающий к себе и глубокое уважение и добрую улыбку,— таким в пьесе и спектакле предстает этот образ.

Но далеко не ко всем своим героям автор относится так любовно. Желая поступить в институт, Стрекоза приезжает в Тбилиси и останавливается у воспитанника своей бабушки, профессора-хирурга Ираклия Цаморадзе. Дочь его Тина и приятель ее Сандро становятся объектом сатирического изображения. Вначале в пустячках, как будто бы и ничего не значащих мелочах, а потом в вещах серьезных, принципиальных проявляется сущность этих пустых, легковесных, неприятных людей. И думается, что М. Бараташвили правильно сделала, когда вместе с остальными героями не привела и этих к благополучному финалу.

Сатирическая струя, органически вошедшая в ткань лирической комедии, появилась в ней в результате добросовестной работы автора над первым вариантом произведения. Как мы уже говорили выше, все изменения в нем протекали в рамках изначального сюжета. И там, где он позволял сделать характеры героев более индивидуальными, интересными, запоминающимися, — там автор и редактор добивались успеха. Но встречались в произведении недостатки, устранить которые можно было, лишь изменив его сюжетные мотивы. Так, во втором акте Маринэ, сконфуженная тем, что все принимают ее за Героя Социалистического Труда, уезжает обратно в деревню, бросая мысль об учебе. Поступок этот, совершенный, правда, под влиянием минутной вспышки, выглядит несколько искусственным. Как в первой, так и во второй редакции, бездеятельным, «голубым» остается агроном Шота — возлюбленный Маринэ. Роль эта — просто-напросто инородное тело в пьесе, не связанное с ней никакими крепкими узами. Не находят себе прочного места в памяти зрителей бригадир Георгий Мчелидзе и Герой Социалистического Труда Маринэ Перадзе, несмотря на все попытки актрисы О. Малько наделить свою героиню своеобразным, интересным характером.

Отличительная черта постановки ЦТСА — тесное творческое содружество. Подлинно театральным художником, прекрасно чувствующим живописное своеобразие грузинской деревни, выступает в ней А. Матвеев. Режиссер Д. Тункель уловил жанровые особенности пьесы, и потому спектакль счастливо избежал той опасности, которая зачастую подстерегает комедию в театре: режиссер и исполнители не «засерьезнили» пьесу. Веселая суматоха, водевильная путаница, шуточная песня и задушевный разговор — словом, серьезное и комическое органически переплетаются и составляют живую атмосферу этого талантливого спектакля.

«Стрекоза» — одна из немногих лирических комедий, идущих на сценах наших театров. Успех ее ясно говорит о большой потребности советских зрителей в веселых, жизнерадостных постановках.

для написания эффектной сцены переправки экипажа с эсминца по тросу на транспорт, причем, вопреки правдоподобию, моряки переправляются не в петле, надетой на трос, а попросту держась за него руками, и это во время урагана, когда сам Геркулес не удержался бы за трос и был бы сорван с него, как пушинка, ударом первой же волны!

Оставшиеся на эсминце девять человек, во главе с командиром, совершают чудеса находчивости во вкусе самых невероятных приключенческих романов и, конечно, выходят победителями из борьбы с «роковой стихией».

Рассказ «Водолаз» производит еще более странное впечатление. И в нем описана авария на эсминце. Почему-то С. Аверкина пленяют аварии на эсминцах. В результате посадки на банку сорван один винт и изуродован другой. Такое повреждение требует ввода корабля в док. Но у С. Аверкина все делается по щучьему веленью. В воду спускается водолаз Заботный. Он вручную отпускает ключом «восьмипудовую гайку», крепящую винт, снимает с конуса гребного вала самый винт (что намного превышает возможности человека) и надевает на вал запасной винт, проведя под водой двадцать часов. Если прибавить к этому, что дело происходит в Баренцовом море, где в самое теплое время года температура воды позволяет только кратковременное пребывание в ней водолаза, то нельзя не возмутиться этой беззастенчивой разновидностью сказок барона Мюнхгаузена, который тоже ездил на лошади с оторванной «кормой» и летал на пушечном ядре. Остальные рассказы — «Особое поручение» и «Игорь Райкин» — также написаны в стиле плохих приключенческих рассказов.

Можно только удивляться, с какой легкостью и нетребовательностью отнеслось Дальневосточное издательство к выпуску первой книги начинающего автора.

Борис ЛАВРЕНЕВ

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Молодой прозаик **Иван Курчавов** написал роман **«Московское время»** («Молодая гвардия». Москва. 1952. 459 стр.), события которого развиваются в старой Эстонии накануне 1940 года. Далеко не все равноценно в этом произведении, но главное автору в основном удалось: это документированное впечатляющее повествование о тех славных днях, когда эстонские труженики, руководимые коммунистической партией, решительно свергли ярмо черносотенной буржуазии.

Пафос идеи дружбы русского и эстонского народов пронизывает главы книги. Сложившаяся на рубежах и вехах, отделенных столетиями, эта давняя дружба особенно окрепла и утвердилась в те дни, когда народ Эстонии смело отстоял, опираясь на революционный опыт России, свои права жить и трудиться по-новому.

«Московское время» — это название книги как бы символизируется заключительной сценой. Тысячи людей, собравшиеся на Ратушной площади в Таллине, в торжественном молчании следят за стрелками городских часов — отныне стрелки переводятся со «среднеевропейского» времени на час вперед — по бою кремлевских курантов.

В центре повествования — семья старого таллинского рабочего Яна Киндлуса. Глава семьи, в прошлом участник боев на баррикадах революции 1917 года, трудится на захиревшем машиностроительном заводе. Его дочь Линда — фабричная работница. Другая дочь, школьница, мечтает, как о недосягаемом, о высшем образовании. Младший сын Арнольд, вынужденный проходить суровую солдатскую муштру в рядах реакционной пятсовской армии, как бы олицетворяет собой совесть семьи, ее зреющий протест против режима насилия. Один только Майт — старший сын Яна — грязный отщепенец. Это продажный желтогазетчик, пытающийся любыми способами пробиться «в верхи» буржуазного общества. Круг персонажей, связанных так или иначе с основным конфликтом — поисками настоящей правды, ширится с каждой главой.

Мы знакомимся с рабочим Петером Метсом — опытным коммунистом-подпольщиком, с советскими офицерами — лейтенантом Николаем Воронковым и политруком Георгиевым, находящимися в гарнизонных частях в Прибалтике на основе пакта о взаимопомощи СССР с Эстонией.

Автор воссоздает широкую и разностороннюю картину жизни эстонского народа в тот период. Рисуется ли гнилостный мирок бессовестных политиканов, окопавшихся в редакциях буржуазных газет Таллина, показывается ли «бунт» в семье отчаявшегося от невзгод рабочего Киндлуса,— все это взято из жизни.

Мы видим, как зреет в сердцах трудящихся негодование, страстный протест. Махинации разных авалдов, кросбергов и реммелей, оптом и в розницу распродающих иностранным биржевикам блага маленькой страны, разоблачаются достаточно полно и наглядно. Автор раскрывает ту исторически-конкретную обстановку, в которой совершилось радостное вступление Эстонии в семью народов СССР.

Профашистская эстонская военщина пускается на грязные провокации. Красноармейца Сергея Гуляева обманом и силой доставляют на уединенный кулацкий хутор. Его зверски пытают, но мужественный патриот отказывается выдать врагу секретные военные сведения. И когда простой, самоотверженный крестьянин сообщает в советскую воинскую часть о вражеских происках, снова чувствуешь тепло дружбы двух народов, нерушимую братскую связь тружеников России и Эстонии.

В этом — значительность книги молодого автора. Уместно отметить, что в эстонской советской литературе не появилось еще больших полотен, освещающих события тех лет, подобных талантливой «Буре» В. Лациса. «Московское время» в какой-то мере восполняет этот пробел.

Но нельзя не отметить, что иногда люди на страницах романа кажутся безжизненными, схематичными. Язык бледен, тороплив, грешит небрежностями.

Автору следует вложить больше тепла, глубины, страстности в обрисовку положительных героев. Можно ожидать большей законченности, остроты, убедительности и от образов буржуазных ставленников, действующих в романе. Порой они явно плакатны, досадно трафаретны.

Ф. ЭЙНБАУМ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Весна 1946 года, первая послевоенная весна, вызвала радостные надежды у многих японцев. Разгром Квантунской армии советскими войсками заставил японскую военщину сложить оружие и уйти на время в «подполье».

В это время в Японии находилась группа советских журналистов, в их числе был **Б. Горбатов.** Он ездил по стране, изучая ее жизнь и людей, встречался и беседовал с многими японцами и записал свои наблюдения и впечатления. Так появились очерки, составившие маленькую книжку **«Человек из сословия «эта»** (Воениздат. М. 1953).

Японская «демократическая весна» не ввела в заблуждение советского писателя. Он раскрывает ее сущность, как свидетель и очевидец.

«Вероятно, нигде в мире старое не держится так неистребимо цепко, как в Японии». Правящая верхушка Японии, стремясь укрепить свое положение с помощью своих заокеанских наставников, пытается тщательно сохранить все реакционное в быту и общественной жизни страны.

Вот человек из сословия «эта»—Китагара Тайсаку. Много веков тому назад кожевники и убойщики скота были объявлены «нечистыми», так как буддизм осуждал убийство животных. Приводя это объяснение, автор мог бы добавить, что впоследствии стали зачислять в сословие «нечистых» и тех, кто не имел никакого отношения к буддийскому запрету, например, гончаров, резчиков по дереву и изготовителей кисточек из бамбука. Их превращали в «нечистых», чтобы закрепить в качестве рабов ремесленников, а бродячих артистов, певцов и фокусников зачисляли в это сословие в порядке борьбы с людьми, не имеющими постоянного местожительства. Во второй половине XIX века указом императора сословие «эта» было упразднено, но указ остался на бумаге. Попрежнему «нечистые» живут в особых поселках или кварталах, подвергаясь всяческим притеснениям.

Автор передает рассказ Китагара о том, как он, японец по происхождению, языку и культуре, на протяжении многих лет тщетно пытался снять с себя клеймо отверженного. Наконец, он понял, что борьба против кастовых предрассудков и прочих изуверских пережитков старого, сохраняющих свою силу в сегодняшней Японии, неотделима от борьбы японских трудящихся за свои права. И тогда Китагара вступил в компартию.

Очерк «Дикое поле» рассказывает о встрече автора с бывшим капитаном императорской армии Хатагава. Этот офицер воевал за императора и, вернувшись на родину, увидел, во что она превращена оккупантами. По его совету автор едет в «Дикое поле» — сельскохозяйственную артель, созданную генералами и офицерами распущенной армии. Эти «артели» создавались с молчаливого разрешения штаба Макартура, чтобы сохранить ядро кадрового офицерства под маскировочной вывеской. С тонкой иронией автор описывает этих «землеробов», которые проводят «полевые работы» в соответствии с уставом полевой службы и страстно мечтают о новой большой войне.

Но бывший капитан Хатагава уже сыт по горло войной. Вместе с миллионами простых честных японцев он заявляет: «Я не хочу быть пушечной говядиной».

Читатель знакомится не только с человеком из сословия «нечистых» и бывшим офицером, но и с самим императором Хирохито. Американцы отстояли этого военного преступника, освободили его от наказания. Он сохранил за собой звание тенно—«небесного» государя—и время от времени проводит церемонии «общения с народом». Автор описывает в стиле сатирического памфлета, как император обходит сожженные американскими бомбами кварталы столицы, беседует с жителями, лишившимися крова, и дает им «мудрый» совет: принимать ванну каждый день.

Кроме очерков о Японии, в книжку включены очерки «Филиппины» и «Лагерь на Окинаве». Когда мы читаем эти два очерка, перед нами встает сегодняшняя Япония. Разве не похожа Манилла 1946 года на Йокосука 1953 года — один из портов, превращенных американцами в военную базу? Те же толпы пьяных оккупантов, такие же кварталы притонов и балаганов, где показывают непристойные спектакли — стриптиз шоу. А на Окинаве автор увидел деревни, обнесенные колючей проволокой, за которой копошились женщины и дети, обреченные на смерть от голода и болезней.

Те зловещие приметы, которые бросились в глаза автору тогда, весной 1946 года, уже дали плоды. Офицеры-«землеробы» надели ныне форму «корпуса национальной безопасности» и ездят на танках типа Шерман и Першинг. Уже введен в действие фашистский закон о предотвращении «подрывной деятельности».

Но за годы, прошедшие с весны 1946 года, в сознании японского народа произошли большие перемены. На дворцовой площади, где прежде верноподданные отбивали земные поклоны, теперь проходят толпы демонстрантов со знаменами, на которых написано: «Долой перевооружение!», «Да здравствует мир во всем мире!». В числе демонстрантов — люди из сословия «нечистых» и бывшие военные, такие, как Китагара и Хатагава. Все они ведут борьбу за то, чтобы Япония не превратилась в Окинаву, где всех жителей постигла участь «нечистых».

Советские читатели, с волнением и сочувствием следящие за борьбой японского народа, прочтут с интересом маленькую книжку Б. Горбатова, проникнутую теплой симпатией к японскому народу, емкую по содержанию и насыщенную фактами.

Можно упрекнуть автора только в одном — в искажении ряда японских имен, названий и слов. У японцев есть пословица: «На лице любимой даже оспинки кажутся ямочками на щеках». Мы за то, чтобы хорошие книжки были без оспинок.

Р. КИМ

ФРОНТОВЫЕ РАССКАЗЫ

В прошлом году в Свердловске вышли в свет **«Фронтовые рассказы» Александра Савчука** (119 стр.). Автор этих рассказов — известный на Урале писатель — с первых дней Великой Отечественной войны находился в рядах Советской Армии, был политруком роты народного ополчения, затем военным корреспондентом фронтовой газеты. В апреле 1943 года А. Савчук погиб.

Восемь рассказов и главы из повести «Мужество верных сердец» — последние произведения писателя-фронтовика. Не все они одинаково хороши по мастерству. Некоторые из них написаны торопливо; художник, видимо, хотел позже, уже не во фронтовой обстановке, многое поправить, улучшить, отточить. Но и в этих, порой торопливо сделанных зарисовках А. Савчука видны глубокое знание фронтовой жизни, наблюдательность и неизменное стремление писать правдиво. Читаешь, и становится ясно, что эти рассказы написаны человеком, многое видавшим, многое пережившим вместе со своими героями — солдатами и офицерами Советской Армии.

Одаренный писатель Александр Савчук был бойцом переднего края. В сентябре 1942 года он писал: «Когда нужно писать о героизме русского воина, надо его видеть в окопе, в дзоте, в засаде и в бою. И я обязан итти к нему, если хочу быть честным и правдивым перед читателем. Здесь раскрываются чудесные стороны души нашего народа».

Герои «Фронтовых рассказов» — отважные люди, люди большой нравственной силы и красоты. Их поступки проникнуты сознанием своего долга перед Родиной, перед товарищами по оружию.

Принципы воинского товарищества в нашей армии отлились в чеканную формулу, полную благородства и отваги: «Сам погибай, а товарища — выручай». Эта солдатская мудрость ярко выражена в подвиге Юлдаша Джабаева (рассказ «Большое сердце»), который, будучи сам тяжело раненым, несколько километров несет на себе раненого лейтенанта Сухова. Джабаев сознает, что такое напряжение сил для него смертельно, но он сознательно жертвует своей жизнью ради спасения товарища и командира.

В каждом рассказе А. Савчук приоткрывает читателю какую-то часть несметного богатства души советского человека. На фронте, в суровом солдатском быту не черствеют сердца воинов. В рассказе «Розовый конверт» солдаты, взволнованные судьбой осиротевшей девочки, решают отдать ей все свои сбережения. Невзрачный на вид солдат Кротов («Рассказы о бойце Алексее Кротове») оказывается человеком могучей и прекрасной души, верным боевым товарищем. В четырех небольших зарисовках писатель раскрывает моральный облик этого маленького и худенького солдата, который «с первых же дней своей боевой жизни пришел к выводу, что на войне все надо уметь, все знать надо». Чувство долга движет поступками военных журналистов Савина и Борисова, вкладывающих свой скромный труд в победу над врагом.

В рассказе «Выздоровел» писатель правдиво показал мучительные переживания малодушного солдата. Молодой, еще не обстрелянный боец Карякин струсил в первом бою. Трусу не место в дружном коллективе советских солдат, и Карякин, с которым перестали разговаривать однополчане, тяжело переживает свой проступок. Постепенно смятению чувств приходит конец: Карякин искупает свою вину смелым поведением в бою.

Интересны главы из повести «Мужество верных сердец», написанной А. Савчуком незадолго до смерти, в январе 1943 года. В них писатель показывает, какие муки пережили наши люди в фашистском плену и как в условиях гитлеровского плена оставался неукротимым дух советских людей, их верность Родине, их товарищество. Советские люди побеждают своей сплоченностью, твердой верой в победу; их нельзя ни запугать, ни поставить на колени. Запоминаются дед Дубок, добровольно принявший на себя мученическую смерть за убийство жестокого надзирателя, которого прикончили пленные; колхозный бригадир Анисья Ивановна, укрывшая пленных, бежавших из лагеря...

Читатель будет благодарен Свердловскому издательству, выпустившему этот сборник, и сохранит светлую память о писателе-солдате, нашем товарище по оружию.

В. КОРОТЕЕВ

ГАЗЕТА-РЕВАНШИСТ

Д. МЕЛЬНИКОВ

От 12 до 16 газетных страниц, напечатанных убористым шрифтом... Броские заголовки: «Не отрываться от врага», «Под знаком железного креста», «С танками, прожекторами и музыкой»... На иллюстрациях — надменные «прусские» физиономии, знакомые фашистские мундиры, фельдфебели и фельдмаршалы, ордена и регалии... На первой полосе заголовок: «Ди Дейче Зольдатен-Цейтунг», что значит «Немецкая солдатская газета». В самом центре заголовка — большой, тщательно нарисованный «железный крест». Чуть пониже — жирная черта. Еще ниже — дата...

Попробуйте закрыть рукой дату, и перед вами окажется одна из обычных унифицированных фашистских газетенок, каких во множестве выпускало ведомство Геббельса. Самое необычное в этой газетенке как раз и есть дата...

«Зольдатен-Цейтунг» издается не в фашистской Германии 30—40-х годов, а в послевоенной Западной Германии, в наши дни. Первый номер «Зольдатен-Цейтунг» вышел 6 июня 1951 года, в те дни, когда боннские милитаристы особенно рьяно занялись организацией вермахта. В то время закончились петерсбергские переговоры о ремилитаризации Западной Германии. Редактор газеты — барон фон Вехмар, бывший гитлеровский полковник. Заместитель редактора — Улиг, бывший сотрудник Геббельса. Это, так сказать, непосредственные создатели нового органа старых гитлеровских солдафонов. Но и у них есть свое «обер-коммандо» — верховное командование. «Зольдатен-Цейтунг» подчинена руководству «Союза немецких солдат» — одной из штаб-квартир западногерманских милитаристов. Шефами газеты являются официальные и закулисные главари «Союза немецких солдат» — адмирал Ганзен, генералы Фриснер и Мантейфель — гитлеровские вояки в прошлом, активные организаторы нового вермахта, ярые реваншисты в настоящем.

Задача газеты «Зольдатен-Цейтунг» — пропагандировать идеологию милитаризма, разбоя и агрессии среди западногерманского населения, разжигать реваншистские настроения в боннском рейхе, вербовать из числа бывших военнослужащих гитлеровского вермахта и деклассированных элементов кадры для будущей западногерманской армии. Это — газета-реваншист.

У «Зольдатен-Цейтунг» имеются не только журналисты и обозреватели, военные специалисты и комментаторы, но и, с позволения сказать, поэты. В номере газеты от 30 марта этого года один из таких поэтов по имени Фридолин Эйхнер опубликовал своего рода гимн. В переводе на русский язык этот «гимн» звучит примерно следующим образом:

Говорят, что я родился в мае,
Но сказать по правде — паспорт
мой утерян.
И когда родился точно — я не знаю.
В остальном я тоже не уверен.

Досконально лишь известно,
Что бродяга я безвестный
И что гол я, как сокол,
И что гол я, как сокол...

Почему солдатский бард Эйхнер избрал героем своей поэмы беспаспортного бродягу? Почему «Зольдатен-Цейтунг», воспевающая субординацию, гусиный шаг и прусские мундиры, заинтересовалась пропойцей? Ларчик открывается просто. Безвестный бродяга, не знающий «доскональна», когда он родился, — отличное «сырье» для бывших фашистских генералов, сколачивающих новый вермахт. «Экипировать» такого бродягу для них пара пустяков. У бродяги нет паспорта... Прекрасно! Генерал Гассо фон Мантейфель, один из хозяев «Зольдатен-Цейтунг», в два счета выдаст ему военную книжку. Бродяга гол, как сокол... Очень хорошо! Боннское интендантство в мгновение ока организует ему солдатские башмаки, обмотки и серо-зеленую шинель... Наконец, бродяга, что называется, не знает, «на каком он свете». Отлично! В пустую голову деклассированного люмпена легко вбивать реваншистские бредни из «Зольдатен-Цейтунг». Бродяга, воспетый Эйхнером, — это резерв фашистского генералитета, орудующего в Бонне.

Но если сравнительно нетрудно загнать в армию деклассированные элементы такого типа, то совсем нелегкое дело вербовать солдат среди основной массы западногерманской молодежи. В современных условиях, когда во всей Германии, в том числе и в боннской республике, развертывается мощное движение за единство, независимость и мир, все труднее становится найти охотников повторить бесславные гитлеровские военные авантюры. Бывший сотрудник Геббельса Зульцман 12 февраля в передовой статье «Зольдатен-Цейтунг», озаглавленной «Задачи военной пропаганды», весьма озабоченно предупреждает: «Главное заключается в том... чтобы изыскать конкретные аргументы, которые могли бы обосновать необходимость создания немецких войск». То же самое пишет газета и в номере от 26 марта: «Проблема заключается в том, каким образом убедить нашу молодежь в необходимости военной службы». Что же делать? Как быть? Чем отравить сознание немецкой молодежи? Газета тут же дает рецепт: во-первых, надо «преодолеть вызванный современными обстоятельствами материалистический взгляд на жизнь» и, во-вторых, заставить молодежь отречься от всяких доводов логики; ибо решиться на то, чтобы «вынести самые тяжелые испытания, нельзя, полагаясь лишь на логику».

— Долой логику! — восклицают новоявленные философы из «Зольдатен-Цейтунг», духовные преемники Розенберга и Геббельса. И дабы помочь полностью отрешиться от этой логики, они преподносят своим читателям отвратительную стряпню, составленную из фашистско-националистической теорийки «германской народной общности» и космополитической идейки «европейского сообщества». Господа реваншисты преподносят читателю проповедь «защиты абендлянда» (иначе говоря, «стран заходящего солнца») против натиска «чуждых рас». К этим расам наследники фашистских палачей из Майданека и Освенцима причисляют, смотря по обстоятельствам, то поляков и чехов, то французов и датчан. «Немецкое солдатское сословие, — изрекает газета в номере от 12 марта, — всегда рассматривало себя как составную часть индивидуальной культуры «абендлянда» и выступало как оруженосец этой культуры». Таким образом, фашистские походы против миролюбивых народов Европы, расстрелы мирных жителей Польши и Франции, Чехословакии и Дании, чудовищные зверства эсэсовских банд в оккупированных фашистской армией районах — все это, оказывается, было предпринято во имя защиты пресловутой культуры «абендлянда». Теперь фашистские последыши в Западной Германии вновь пытаются выступить в роли «защитников культуры», подготовляя новую агрессию против миролюбивых народов.

Разумеется, главное внимание милитаристы из «Зольдатен-Цейтунг» и их покровители обращают на антисоветскую пропаганду, на распространение пресловутого фашистского лозунга «Дранг нах Остен». Вот, например, рассуждения бывшего гитлеровского генерала Зоденштерна, нещадно битого на советско-германском фронте. Сей незадачливый гитлеровский вояка вновь решил искать «жизненное пространство» на Востоке. Он вновь выдвигает старую фашистскую басню о двух «жизненных пространствах» в Европе — «германского» и «славянского». «Мирное сосуществование двух жизненных пространств, — вещает он, — невозможно». И далее битый генерал прямо намекает на то, что немецкие милитаристы рассчитывают с помощью своих заокеанских покровителей приобрести «жизненное пространство» на Востоке.

Но «Зольдатен-Цейтунг» отнюдь не ограничивается проповедью лозунга «Дранг нах Остен». Реваншисты верны себе. Они с той же развязностью, наглостью и высокомерием говорят и о народах Западной Европы. В статье под названием «Духовное лицо Англии», опубликованной в номере от 26 марта, газета распространяется об «упадке» Англии, презрительно называет английский народ «крестьянской нацией». О Франции и французах газета неизменно пишет в презрительном тоне. Она то угрожает Франции, то поучает ее. Борзописцы из «Зольдатен-Цейтунг» нагло заявляют, что Франция ныне потеряла свое место первоклассной европейской державы, и советуют ей мириться с ролью вассала американских и немецких империалистов.

Проповедуя реваншизм, газета «Зольдатен-Цейтунг» рьяно берет под защиту агрессию гитлеровской Германии против стран Западной Европы в прошлом. «Наши западные соседи, — заявляет она в номере от 26 февраля, — перечисляют исторические даты, когда немцы пересекали Рейн в западном направлении. Но они не упоминают при этом о причинах и поводах, которые вынуждали немцев прибегнуть к таким мерам». В ряде номеров «Зольдатен-Цейтунг» пытается оправдать агрессию против Норвегии и Дании. «Еще в пятом номере нашей газеты, — пишет Зольдатен-Цейтунг» 30 марта, — мы доказали, что немецкое «нападение» (это слово взято в кавычки редакцией газеты! — **Д. М.**) на Норвегию и Данию в 1940 году было лишь контрмерой...». Оказывается, не гитлеровские вооруженные до зубов армии напали на Норвегию и Данию, а, напротив, бедная Германия вынуждена была защитить себя от вторжения датских и норвежских войск!

Со страниц газеты немецкие милитаристы вновь вопят о превосходстве «германской расы» над всеми народами мира. При этом они, ничуть не стесняясь, пишут о «европейской армии», как о своей собственной. «Европейский солдат, — пишет «Зольдатен-Цейтунг» в номере от 26 февраля, — должен обладать чувством превосходства над другими народами, каким обладал немецкий солдат... Создать такой тип солдата является самой важной задачей европейского оборонительного сообщества».

«Зольдатен-Цейтунг» ищет на свалках истории «образцы», достойные подражания. Кому же должны, по мнению «Зольдатен-Цейтунг», подражать «европейские», то бишь немецкие, солдаты? Известному гитлеровскому палачу в генеральском мундире Вальтеру фон Рейхенау, которого газета называет «господином и солдатом»; военному преступнику гросс-адмиралу Редеру, именуемому газетой «человеком чести и великим солдатом»; известному милитаристу и преступнику фон Рундштедту, о котором бывший начальник штаба гитлеровской армии Гудериан на страницах «Зольдатен-Цейтунг» (5 марта) выражается так: «Пруссак... твердый и трезвый, сознающий свой долг и верный государственной идее» (т. е. фашизму).

«Зольдатен-Цейтунг» систематически помещает рецензии на очередные мемуары гитлеровских военных руководителей. Эти мемуары появляются в боннской республике во все возрастающем количестве и распространяются в миллионах экземпляров. Лишь за последние три месяца газета поместила хвалебные рецензии на мемуары известного военного преступника Кессельринга «Солдат до последнего дня», бывшего гитлеровского командующего в Финляндии и Северной Норвегии Рендулица «Борьба—победа—поражение», бывшего начальника штаба Роммеля — Вестфаля «Армия в оковах», одного из руководителей эсэсовских вооруженных сил Пауля Хауссера «Вооруженные силы СС в борьбе», видного деятеля ведомства Геббельса Мартина Зоммерфельда «Верховное командование вооруженных сил сообщает» и т. д. и т. п.

Газета «Зольдатен-Цейтунг» оправдывает прошлые деяния фашистских агрессоров, представляя их в качестве образца, достойного подражания. Что же касается будущего, то у газеты тоже есть готовая программа.

5 февраля «Зольдатен-Цейтунг» опубликовала «установочную статью» одного из закулисных руководителей газеты, бывшего гитлеровского генерала танковых войск Гассо фон Мантейфеля. Фашистский генерал выбалтывает некоторые тайные расчеты немецких реваншистов, связанные с их участием в «европейском оборонительном сообществе». «Мы решили поддержать европейское оборонительное сообщество, — пишет Мантейфель, — лишь потому, что это дает нам определенный политический шанс». Указанный шанс, по словам Мантейфеля, заключается прежде всего в том, что Западная Германия «приобретает, наконец, свободу действий в области внешней политики». В связи с этим фашистский генерал восклицает: «Мы считаем, что настало, наконец, время учесть немецкие пожелания!» Нетрудно понять, каков характер «пожеланий» Мантейфеля, — речь идет о том, чтобы предоставить немецким империалистам главную роль в так называемой «объединенной Европе».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Именно такова, по мнению фашистских генералов, цена участия немецких наемных войск в военных блоках западных держав. И немецкие милитаристы прекрасно понимают, что их щедрые покровители готовы уплатить им эту цену. В том же номере «Зольдатен-Цейтунг» от 5 февраля в передовой статье, посвященной политике западных держав в Германии, указывается: «В глазах американской политики федеральная республика вновь вернула себе место, соответствующее удельному весу Германии среди европейских держав... Ход истории изменился, и ныне немецкому народу (читай: западногерманским милитаристам. — **Д. М.**) возвращены его естественные функции в игре сил».

Это высказывание звучит прямой угрозой по адресу других западноевропейских стран — участниц «европейского оборонительного сообщества». «Игра сил» — синоним ожесточенной борьбы за первенство в Западной Европе, развернувшейся между основными участниками «сообщества». А указание на то, что Западной Германии возвращены ее «естественные функции» в этой игре, означает, что немецкие реваншисты уже провозгласили себя господами «европейского сообщества».

Готовясь занять ведущее место в «европейской армии», немецкие реваншисты уже мечтают о дне, когда начнется новая война. В одном из номеров газеты «Зольдатен-Цейтунг» на всю первую полосу был помещен лозунг: «Мы работаем для дня X». Как известно, фашистские стратеги именно так обозначали день готовности к очередной агрессии. Фашистские приспешники, окопавшиеся в реваншистской газете «Зольдатен-Цейтунг», ныне вновь заняты подготовкой к очередным актам агрессии. С поразительной развязностью бывшие фашистские генералы на страницах «Зольдатен-Цейтунг» обсуждают вопрос о том, каким образом лучше всего осуществить эту подготовку. Достаточно в качестве примера привести хотя бы рассуждения бывшего начальника штаба «Ведомства вооружений» гитлеровской армии Лера, опубликованные в номере от 16 апреля. «В наше время, — разглагольствует Лер, — не существует никакой иной формы войны, кроме тотальной войны». Исходя из «опыта тотальной войны», Лер требует незамедлительного составления «мобилизационного плана для народного хозяйства». Он настаивает на предоставлении самых широких прерогатив немецкой военщине в руководстве народным хозяйством. При этом Лер призывает брать пример с гитлеровской армии.

Прошло восемь лет со дня разгрома гитлеровских армий. Но битым немецким генералам уроки истории впрок не идут. Они вновь собираются в поход. И вот каждую неделю в Мюнхене выходят в свет объемистые номера газеты-реваншиста «Зольдатен-Цейтунг». Страницы этой газеты начинены отравленным милитаристским ядом... Скрипят перья наемных борзописцев. Экс-генералы и экс-адмиралы позируют перед фотоаппаратами... Полковники и ефрейторы печатают свои изыскания, воспоминания и поучения... И всей этой своре уже кажется, что вернулись «старые добрые времена», что от казарменных острот «Зольдатен-Цейтунг» рукой подать до старых фашистских казарм, куда они мечтают загнать Германию...

Но западногерманские милитаристы жестоко ошибаются. Немецкий народ не хочет войны. Что же касается «Дейче Зольдатен-Цейтунг», то в тех случаях, когда она попадает в руки простому немцу, он хладнокровно свертывает объемистый номер трубочкой и сует его в мусорную урну. Вполне подходящее место для газеты-реваншиста и проповедуемых ею идей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Восемь лет назад Советская Армия завершила разгром армий гитлеровского фашизма, которые вторглись в страну социализма, стремясь поработить народы Советского Союза. Москва была единственной столицей на европейском континенте, в которую Гитлеру не удалось победоносно войти, под стенами которой армия, называвшая себя непобедимой, потерпела тяжелое поражение. Советский народ и Советская Армия, приняв на себя основную тяжесть борьбы против гитлеровского фашизма, положили конец завоеваниям гитлеровской военной машины.

Действующие печи на строящемся коксовальном комбинате в Лаухгаммере (Германская Демократическая Республика).

Рисунок немецкого художника Стратила из газеты «Тэглихе рундшау»

Гитлер недвусмысленно заявил, что фашисты уничтожат Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться.

Генералиссимус Сталин еще во время войны, навязанной советскому народу немецкими фашистами, сказал, что у Советского Союза нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно.

Советский народ разбил гитлеровский фашизм и уничтожил гитлеровское государство. А германский народ нашел в Советском Союзе самого дорогого друга и бескорыстного помощника в создании демократии, порожденной народом и имеющей свои корни в народе, как предпосылки к мирному и счастливому будущему. Для миролюбивых и демократических немцев день 8 мая стал днем освобождения от гитлеровского режима. Мы ежегодно отмечаем этот день. Потсдамское соглашение, подписанное в июле 1945 года Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией, открыло перед нами перспективу создания единой, миролюбивой и демократической Германии.

Мудрая политика Советского Союза, направленная к обеспечению прочного мира и безопасности народов, дала возможность немецким трудящимся выйти из катастрофы и приступить к мирному строительству. В прошедшие годы мы осуществили коренные демократические преобразования. Мы создали нашу Германскую Демократическую Республику, образование которой, как указывал И. В. Сталин, явилось поворотным пунктом в истории Европы. Юнкерство и капиталисты были экспроприированы. Землей ныне владеют крестьяне. Крупные предприятия, в прошлом принадлежавшие капиталистам, перешли в собственность народа. Благодаря созданию Социалистической единой партии Германии удалось осуществить ведущую роль рабочего класса, который в союзе с трудящимся крестьянством освободил от пут капиталистического рабства весь наш трудовой народ. Наше правительство приняло пятилетний народнохозяйственный план, который, по сути дела, является планом социалистического строительства. Германская Демократическая Республика стала прочной базой для борьбы за единую, демократическую, миролюбивую Германию.

Реакционная печать и радио в капиталистических странах кричат и вопят, что у нас, в Германской Демократической Республике, так же, как в Советском Союзе и в странах народной демократии, нет свободы. Если господа капиталисты понимают под этим ту «свободу», которая дает им право эксплуатировать в своих интересах других людей, заставляя их работать на себя, если они говорят о той «свободе», которая дает право им, ничтожному меньшинству населения, господствовать над огромным большинством неимущих, если они говорят о той «свободе», которая обеспечивает любую свободу лишь богатым, — тогда их жалобы и вопли имеют основание. Такой «свободы» действительно нет ни в Советском Союзе, ни в странах народной демократии, ни у нас, в Германской Демократической Республике. Во всех этих странах трудящиеся города и деревни завоевали свободу для себя. Они освободились от ярма капиталистической эксплуатации, они решили свободно и по своему желанию строить свою жизнь, созидать свое будущее.

Наши трудящиеся ценят эту свободу. Для всех трудящихся эта свобода является гарантией мирной и счастливой жизни. Именно поэтому они всеми силами будут охранять ее, свою свободу. Ведь нашим трудящимся не только приходится учиться самостоятельно решать новые величественные задачи, но и вести постоянную борьбу против саботажников и диверсантов, посылаемых нашими врагами, чтобы навредить хозяйству, которым управляет народ, чтобы навредить государству, которым управляет народ.

Западные державы, вопреки коренным интересам немецкого народа, упорно проводили политику раскола Германии. В Западной Германии оккупационными властями был создан реакционный режим Аденауэра. Фашистские военные преступники вернулись на государственные посты. Монополисты хозяйничают в стране. Западная Германия попала в тяжелую зависимость от США. Во всем этом предательскую роль сыграли правые социал-демократы, которые искусственно раскололи рабочий класс. Они действовали вопреки желанию рядовых членов партии, которые, как на востоке, так и на западе, требовали единства.

Недавно бундестаг ратифицировал парижский и боннский милитаристские договоры. Буржуазия совершила еще одно предательство. Теперь патриотический долг каждого немца еще в большей степени, чем раньше, будет состоять в том, чтобы бороться против антинациональной политики Аденауэра. Наша задача — воспрепятствовать осуществлению военного «общего договора». Наша задача — еще шире развернуть движение за единую независимую, демократическую и миролюбивую Германию.

Мы, немцы, добьемся выполнения нашей национальной задачи. Мы в этом уверены. Но все дело заключается в том, чтобы выполнить эту задачу как можно скорее. А это требует неустанной, каждодневной работы. Это требует ясного ума, стойкого характера, терпения. В дружбе с великим Советским Союзом наш народ добьется успеха в борьбе за заключение мирного договора, за воссоединение Германии.

Вилли БРЕДЕЛЬ

БЕРЛИН

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в европейском издании поместила 17 февраля этого года сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс из Гейдельберга (американская зона оккупации Германии), озаглавленное **«Ежегодно 4.000 Джи-Айс * в Европе заболевают психическими расстройствами».**

New York Herald Tribune

4.000 GIs in Europe Suffer Mental Crackups Each Year

By the Associated Press

HEIDELBERG, Germany, Feb. 16 —Four thousand of the quarter-million American troops serving in Europe crack up mentally each year, Army records here indicated today.

В сообщении говорится:

«По опубликованным сегодня данным армейской статистики, из 250.000 американских солдат, находящихся на службе в Европе, каждый год четыре тысячи человек заболевают психическими расстройствами».

Представитель медицинской службы армии США в Европе сказал, продолжает газета, что многие военнослужащие

«прибывают сюда чуть ли не прямо из Кореи, и, спустя небольшое время, с некоторыми из них начинается что-то неладное. У них развивается навязчивый невроз...»

Комментарии излишни!

* Кличка американских солдат.

Маршал Жюэн и лингвистика

Небезызвестный французский маршал Жюэн, занимающий ныне пост командующего наземными войсками Северо-атлантического союза в центральной зоне Европы, в конце минувшего года был избран во Французскую академию.

Раньше маршал и не рассчитывал на такие почести. В свое время Жюэн (как он сам признавался) мечтал лишь о том, чтобы служить под началом у гитлеровского генерала Роммеля. А теперь он — ближайший помощник высокопоставленного иностранного генерала, возглавляющего «атлантическую армию», да к тому же член академии.

Маршал Жюэн — французскому министру обороны Плевену: — **Наше положение в Индо-Китае чертовски изломало меня!..**

Рисунок из французской газеты «Карфур»

Положение обязывает. И Жюэн решил заняться «научной» деятельностью, избрав для этого поприще лингвистики. С необычайной энергией Жюэн стал ратовать за так называемый «англо-французский билингвизм», иначе говоря, за насильственное внедрение во Франции английского языка наравне с французским.

«Билингвизм должен быть введен на низшей ступени обучения», — заявляет маршал в письме к французскому министру Кост-Флорэ. В том же письме к Кост-Флорэ маршал совершенно ясно говорит, каким целям призван служить пропагандируемый им «билингвизм»: «...Если он может представляться чем-то второстепенным в мирное время, то в случае войны он будет иметь первостепенное значение для оперативности военных действий, ведущихся коалицией».

«Лингвистические» соображения маршала Жюэна носят вполне циничный характер.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПАТЕТ-ЛАО

Вчера телеграф принес известие: части Народно-освободительной армии Патет-Лао находятся в 55 километрах от города Пак-Сан, расположенного на реке Меконг. В 130 километрах от Пак-Сана, выше по реке, находится административная столица страны — Вьен-Тьян.

Таким образом, Народно-освободительная армия успешно развивает наступление, начатое в середине апреля. В ходе этого наступления была полностью освобождена провинция Сам-Неа и завершена операция по окружению основной массы войск французских колонизаторов в районе горного плато, именуемого Равниной Кувшинов. Кроме того, занят город Сиенг-Куанг и перерезана стратегически важная дорога № 7, соединяющая Луан-Прабан — город, где находится резиденция марионеточного «короля» Лаоса (как называют Патет-Лао французские колонизаторы), — с побережьем Вьетнама.

Появление частей Народно-освободительной армии вблизи Пак-Сана и Вьен-Тьяна означает, что освободительные войска вступили в житницу страны — долину реки Меконг, которая является к тому же главным путем сообщения между Патет-Лао и внешним миром. Успешные наступательные операции Народно-освободительной армии Патет-Лао свидетельствуют о возросшей силе и зрелости национально-освободительного движения лаотянского народа.

Этот фотоснимок зафиксировал один из эпизодов радостной встречи населением Народно-освободительной армии Патет-Лао

Независимость Патет-Лао (ранее наряду с Вьетнамом и страной Кхмер входившего в состав французской колонии Индо-Китай) была завоевана в результате успешного восстания лаотянцев против японских захватчиков и служивших им марионеточных князьков. Вскоре после разгрома милитаристской Японии, 12 октября 1945 года, временное правительство народного сопротивления официально провозгласило независимость страны.

Однако после изгнания японских захватчиков старые французские колонизаторы при поддержке английских и австралийских войск восстановили на значительной части территории Патет-Лао прежний колониальный режим. В апреле 1947 года было создано марионеточное государство Лаос — «конституционная монархия» под протекторатом Франции. В 1949 году французское правительство заключило со своей марионеткой — королем «договор», согласно которому Лаос признавался «независимым» в рамках Французского союза.

Под натиском превосходящих сил французских колонизаторов отряды народных войск были вынуждены отойти в северную и центральную часть страны, где был создан ряд освобожденных районов, в которых продолжала действовать народная власть. В августе 1950 года на освобожденной территории Патет-Лао было созвано Национальное собрание и создан Национальный объединенный фронт борьбы за освобождение — «Нео Итсала Лао». Было также сформировано коалиционное правительство народного сопротивления, возглавляемое Суфанувонгом. В результате военных действий народных войск, поддержанных партизанскими отрядами, к концу прошлого года была освобождена от французских оккупантов почти одна треть территории страны.

Нынешние широкие наступательные операции Народно-освободительной армии Патет-Лао вызвали полную растерянность в стане французских колонизаторов и их заокеанских покровителей. Буржуазная печать немедленно пустила в ход избитую клевету — попыталась представить борьбу народа Патет-Лао и его армия за независимость как некое «вторжение» на территорию марионеточного Лаоса. Явно не рассчитывая справиться с создавшимся положением собственными силами и уповая на американскую «помощь», французские колонизаторы уже поговаривают об «интернационализации конфликта». Об этом, по свидетельству французского радио, вел переговоры с марионеточным правительством Лаоса один из членов французского правительства Летурно, только что побывавший во Вьен-Тьяне и Луан-Прабане.

Особую ярость империалистов вызывает тот факт, что в результате наступления Народно-освободительной армии из рук французских колонизаторов вырваны те районы Патет-Лао (провинция Сам-Неа), которые использовались как плацдарм для военных операций против Демократической республики Вьетнам.

Совместная борьба народа Патет-Лао с народами Вьетнама и страны Кхмер против общего врага — французских колонизаторов наносит новый удар по планам тех, кто мечтает подчинить своему господству народы Индо-Китая и других стран Азии.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00844.